

Научная библиотека

Коллектив авторов

**Транснациональное в русской
культуре. *Studia Russica
Helsingiensia et Tartuensia XV***

«НЛО»

2018

УДК 930.85(=161.1)-027.543я43
ББК 63.521(=411.2)-7(082)

Коллектив авторов

Транснациональное в русской культуре. *Studia Russica
Helsingiensia et Tartuensia XV* / Коллектив авторов — «НЛО»,
2018 — (Научная библиотека)

ISBN 978-5-4448-1045-3

В центре внимания научных работ, которые составили настоящий сборник, находится актуальная проблематика транснациональных процессов в русской литературе и культуре. Авторы рассматривают международные литературные и культурные контакты, а также роль посредников в развитии русской культуры. В их число входят И. Крылов, Л. Толстой, А. Ахматова, М. Цветаева, О. Мандельштам и другие, не столь известные писатели. Хронологические рамки исследований охватывают период с первой четверти XIX до середины XX века.

УДК 930.85(=161.1)-027.543я43
ББК 63.521(=411.2)-7(082)

ISBN 978-5-4448-1045-3

© Коллектив авторов, 2018
© НЛО, 2018

Содержание

От редакторов	6
Крыловский юбилей 1838 г. как культурный и идеологический феномен[1]	7
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Транснациональное в русской культуре

Сборник статей Studia Russica

Helsingiensia et Tartuensia XV

Организация конференции и издание книги поддержаны грантами Финского и Шведского фонда культуры (Suomen Kulttuurirahasto, Svenska Kulturfonden) и Фонда имени Р. Рюмин-Неванлинна (Raija Rytin-Nevanlinnan rahasto)

© Авторы, 2018

© Г. Обатнин, Т. Хуттунен, составление, 2018

© ООО «Новое литературное обозрение», 2018

* * *

От редакторов

Сборник научных трудов, предлагаемый вниманию читателей, в основном сделан на основе докладов пятнадцатой совместной конференции Тартуского и Хельсинкского университетов, состоявшейся в августе 2015 года. Первая такая научная встреча была организована в далеком 1987 году, и с тех пор каждые два года ученые из этих университетов, а также их друзья и коллеги, собираются попеременно в этих двух городах. Вместе со сборниками «История и повествование» (2006), «Европа в России» (2010) и «Политика литературы – поэтика власти» (2014) это четвертая публикация материалов финских конференций в издательстве «Новое литературное обозрение».

Крыловский юбилей 1838 г. как культурный и идеологический феномен¹

Екатерина Лямина, Наталья Самовер

Пятидесятилетие литературной деятельности И.А. Крылова, торжественно отпразднованное в Петербурге 2 февраля 1838 г., – один из самых ярких эпизодов биографии поэта. Вместе с тем это событие оказалось первым не только в русской, но и в европейской культуре чествованием здравствующего писателя исключительно за его литературные заслуги.

Для современников крыловский юбилей стал сенсацией и вызвал громкий резонанс. В связи с этим он хорошо обеспечен источниками: мы располагаем рядом его описаний, мемуарных свидетельств и иных откликов, а также немалым объемом частной и официальной переписки по этому поводу. Неизменно упоминаемый во всех биографиях Крылова, юбилей, однако, до сих пор не привлекал внимания в качестве научной проблемы. Биографы обычно ограничивались более или менее подробным рассказом о празднике и цитированием восторженных отзывов кого-либо из друзей Крылова, подчеркивавших, что юбилей стал трогательным проявлением всеобщего уважения к творчеству великого национального баснописца. Даже в специальных трудах, посвященных литературным юбилеям и праздникам в России, это событие, как ни странно, обойдено вниманием². Совсем недавно появилась работа, в центре которой стоит торжество 2 февраля, однако она касается лишь одного небольшого эпизода этого незаурядного праздника³.

История «юбилейной культуры» постепенно приобретает статус отдельной темы в рамках изучения исторической памяти. Интерес ученых преимущественно обращен на государственные и исторические юбилеи⁴, на юбилеи институций⁵ и в куда меньшей степени – на юбилеи частные⁶. Работы, посвященные культуре юбилеев и коммеморации в России XIX в., стали выходить сравнительно недавно⁷. В таком исследовательском контексте крыловский юбилей представляется нам особенно удобной «смотровой площадкой», с которой можно одним взглядом охватить широкий культурный ландшафт, содержащий множество взаимосвязанных явлений.

¹ Данная работа представляет собой радикально расширенный вариант статьи: *Лямина Е., Самовер Н.* Крылов и многие другие: генезис и значение первого литературного юбилея в России // *Новое литературное обозрение*. 2017. № 145 (3). С. 158–177.

² *Левитт М.* Литература и политика. Пушкинский праздник 1880 г. СПб., 1994; *Мельгунов Б.В.* О первых юбилеях русских писателей (И.С. Тургенев, Островский, Н.А. Некрасов) // *Русская литература*. 2001. № 4.

³ *Тимофеева Л.А.* Юбилейные книги Крылова // *Печать и слово Санкт-Петербурга: (Петербургские чтения – 2016): В 2 ч.* СПб., 2017. Ч. 1. С. 36–43.

⁴ См., например, сб. статей: *Das historische Jubiläum / W. Müller, W. Flügel, I. Loosen, U. Rosseaux (Hrsg.)*. Berlin, 2003.

⁵ Укажем на серию работ О.В. Морозова о юбилеях немецких и российских университетов, в частности: *Morozov O.* University Jubilees: A New Research Area in the History of Universities // *Kasvatus ja Aika*. 2015. № 3.

⁶ См.: *Köhle-Hezinger Ch.* Dinge, Orte, Zeiten: Private Jubiläen // *Jubiläum, Jubiläum... Zur Geschichte öffentlicher und privater Erinnerung / P. Münch (Hrsg.)*. Essen, 2005. S. 209–222.

⁷ См. статью А. Вдовина «Годовщина смерти литератора как праздник: становление традиции в России (1850–1900-е гг.)» в: *Festkultur in der russischen Literatur (18. bis 21. Jahrhundert) – Культура праздника в русской литературе XVIII–XXI вв.* / А. Graf (Hrsg.). München, 2010. S. 81–93. Ряд интересных наблюдений содержится в научно-популярной заметке Вас. Аржанова (В.И. Беликова) «Празднуем рождение или смерть? Что мы понимаем под юбилеем» (*Учительская газета*. 2011. № 12. 22 марта). См. также работы К.Н. Цимбаева, в особенности статью «Реконструкция прошлого и конструирование будущего в России XIX века: опыт использования исторических юбилеев в политических целях» (*Историческая культура императорской России. Формирование представлений о прошлом*. М., 2012. С. 188 passim).

1

К 1830-м гг. русская культура обладала обширной традицией официальных массовых празднеств – церковных, а также приуроченных к династическим событиям и военным победам⁸. Особенно богата такими праздниками была культура Санкт-Петербурга.

В то же время Москва – вторая, менее официозная столица – знала примеры иных праздников, связанных с чествованием отдельных лиц. Весной 1806 г. там с необычайной торжественностью принимали генерала П.И. Багратиона. 3 марта Английским клубом в его честь был дан парадный обед на 350 персон⁹. «Есть у нас Багратионы, / Будут все враги у ног!» – пелось в приветственной кантате на стихи П.И. Голенищева-Кутузова. Кроме того, во многих домах устраивались балы и театрализованные представления; поистине триумфальный прием был оказан Багратиону 7 марта у князя В.А. Хованского, где, в отличие от клуба, присутствовали дамы. Там также пелись хвалебные стихи, а девицы, «одетые в цвета его (Багратиона. – *Е.Л., Н.С.*) мундира», поднесли почетному гостю лавровый венок, который он возложил к подножию статуи Суворова¹⁰. Общественное чествование героя трагических сражений при Шенграбене и Аустерлице явилось не только манифестацией патриотических чувств московской аристократии, но и косвенным выражением ее недовольства бесславными для России итогами борьбы с Наполеоном. То, что праздники прошли в закрытых пространствах клуба и частного дома, а равно их многолюдность и резонанс¹¹ недвусмысленно давали понять верховной власти, что в России существует лояльное, но достаточно независимое общественное мнение, с которым необходимо считаться.

Прошло более четверти века, прежде чем подобное яркое событие повторилось. 12 апреля 1833 г. в том же московском Английском клубе состоялся торжественный обед в честь военного генерал-губернатора князя Д.В. Голицына; в великолепно убранном зале в присутствии 320 гостей были исполнены хвалебные куплеты. Подробное описание торжества поместила газета «Молва»¹². Праздник стал выражением признательности всех сословий генерал-губернатору за восстановление Москвы после пожара 1812 г., однако формальным поводом послужило избрание Голицына почетным старшиной клуба¹³.

Северной столице московский размах был чужд. Характерно, что месяцем раньше, 16 марта 1833 г., петербургский Английский клуб также давал обед более чем на 250 персон в честь любимца императора генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича-Эриванского, наместника Царства Польского. Однако программа торжества ограничилась исполнением патриотической

⁸ Новогодние «балы с мужиками» в Зимнем дворце; ежегодная церемония освящения воды на Крещение («Иордань»), совершавшаяся на Неве у Зимнего дворца в присутствии императорской фамилии; летний Петергофский праздник в честь дня рождения императрицы Александры Федоровны; коронационные торжества; торжественная встреча войск, возвращавшихся из заграничного похода в 1814 г.; открытие Александровской колонны 30 августа 1834 г.; Бородинский праздник 1839 г.; парады, устраиваемые по всевозможным поводам, и т. п. Подробнее о праздниках и публичных церемониях в Петербурге XIX в. см.: *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т. 1; *Келлер Е.Э.* Праздничная культура Петербурга: Очерки истории. СПб., 2001.

⁹ Описание этого праздника см., например: *Жихарев С.П.* Записки современника. М.; Л., 1955. С. 195–198.

¹⁰ Письма Я.И. Булгакова из Москвы в Неаполь к сыну его Александру Яковлевичу. 1806 // Русский архив. 1898. Вып. 6. С. 291.

¹¹ Об этом см.: *Анисимов Е.* Багратион. М., 2009. С. 221–222.

¹² Московские записки // Молва. 1833. 13 апреля. № 44. С. 173–176.

¹³ Об этом см.: Извлечение из журналов гг. старшин Московского Английского клуба со дня открытия ононого, то есть с 1802-го года, обстоятельств почему-либо достопамятных // Русский архив. 1889. Кн. 2. Вып. 5. С. 95. Еще один торжественный обед в честь Голицына будет дан Английским клубом 7 ноября 1836 г. по случаю его возвращения в Москву из-за границы (Там же. С. 95–96).

солдатской песни, а его освещение в печати – небольшой хроникальной заметкой в «Северной пчеле»¹⁴.

Между тем в Москве спустя год состоялось новое, еще более пышное чествование Голицына. На сей раз Московское Купеческое общество поднесло генерал-губернатору его мраморный бюст на роскошном постаменте, выполненный знаменитым скульптором И.П. Витали. Парадный обед на 150 кувертов по этому поводу был дан в Купеческом собрании 20 мая 1834 г.¹⁵ Так купечество старой столицы отблагодарило Голицына за его хладнокровие и разумные распоряжения во время холерной эпидемии 1830 г. Промедление в данном случае оказалось следствием общественного характера праздника. Средства для изготовления необычного подарка популярному среди москвичей градоначальнику собирались по подписке, высочайшее разрешение на которую было дано еще в 1832 г.¹⁶

Следующее публичное чествование частного лица не заставило себя долго ждать. В начале 1836 г. в настоящий общественный триумф вылилось возвращение в Россию К.П. Брюллова – первого русского художника, снискавшего европейскую славу. В двух крупнейших городах его встречали большими приемами, устроенными по подписке: 2 января в Одессе, в клубе, и 28 января в Москве, в зале Художественного класса. Оба эти события, на которых присутствовала аристократия, меценаты и сановники, подробно освещались в одесских и московских газетах¹⁷. В Одессе на обеде председательствовал сам генерал-губернатор граф М.С. Воронцов; в Москве праздник носило менее официальный характер. О патриотическом одушевлении его участников свидетельствует строфа из куплетов, исполненных в честь виновника торжества:

Искусства мирные трофеи
Ты внес в отеческую сень –
И был «Последний день Помпеи»
Для русской кисти первый день!¹⁸

Характерно, что абсолютное большинство участников как одесского, так и московского праздника не видели самой картины: «Последний день Помпеи» был доставлен морем в Петербург еще в 1834 г. Восторженные приветствия относились всецело к репутации художника; его успех интерпретировался как достижение России, которая таким образом в художественном отношении становилась на один уровень с ведущими державами мира.

¹⁴ Северная пчела. 1833. 28 марта. № 69. С. 273–274.

¹⁵ История Московского Купеческого общества. 1863–1913. М., 1916. Т. 2. Вып. 1. С. 398–404; а также: Описание торжества, бывшего в сей столице по случаю открытия бюста его сиятельства г-на московского военного генерал-губернатора Дмитрия Владимировича Голицына, устроенного с высочайшего соизволения усердием московского купечества // Московские ведомости. 1834. № 42 (26 мая). С. 1989–1992.

¹⁶ Поднесение такого «памятника» «начальствующему лицу» от имени подведомственного ему населения было разрешено в виде исключения. Соответствующий сенатский указ от 9 марта 1832 г. см.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1833. Т. 7. 1832 год. С. 135–136. Особый извод описываемой традиции связан с подносными кубками. Они вручались подчиненными «благотельным начальникам», как гражданским, так и военным, по случаю важных событий в ведомстве или при выходе в отставку. На сбор средств для изготовления таких кубков также требовалось высочайшее разрешение, причем давалось оно не всегда, хотя само явление отнюдь не имело массового характера: «тогда [это] было необычайно» (*Дубровин Н.Ф.* Несколько слов в память императора Николая I // Русская старина. 1896. № 6. С. 463). Поднесение кубка сопровождалось торжественным обедом, исполнением поздравительной кантаты или стихотворения. Так, в 1809 г. золотой кубок был преподнесен П.С. Валуеву, начальнику Кремлевской экспедиции и Оружейной палаты, в 1818-м – командиру Измайловского полка М.Е. Храповицкому, в 1826-м – командиру Северского конно-егерского полка С.Р. Лепарскому, в 1839-м – директору императорских театров А.М. Геденову.

¹⁷ См.: Одесский вестник. 1836. 4 января. № 2. Стлб. 13–16; Московские ведомости. 1836. 5 февраля. № 11. С. 229–230 (отчет П.И. Шаликова).

¹⁸ Московские ведомости. 1836. 5 февраля. № 11. С. 229. Авторство этой строфы иногда без достаточных оснований приписывается Е.А. Баратынскому.

Апофеозом празднеств в честь русского искусства закономерно должно было стать чествование Брюллова в петербургской Академии художеств 11 июня 1836 г., однако здесь праздник был лишен общественного модуса и низведен до уровня внутриакадемического события¹⁹. Открытая подписка для сбора средств не объявлялась; в сущности, это был корпоративный званый обед, аналогичный парадным обедам Английского клуба, но еще более закрытый. Если в клуб помимо членов допускались и гости, то в залах Академии художеств присутствовали только художники, учащиеся и служащие самой Академии, а из посторонних – лишь Жуковский и Крылов как «почетные вольные общники». Ни вельможи, ни светские люди приглашены не были²⁰. Даже сочинение и исполнение «стансов» на этот случай было доверено «своим» – певцам и музыкантам из числа учеников Академии. Несмотря на торжественность праздника, «какому не было еще примера в летописях С.-Петербургской Академии Художеств»²¹, столичные газеты и журналы ничего о нем не сообщили²².

Несколько месяцев спустя, в конце того же 1836 г., праздник в честь композитора М.И. Глинки, чья «Жизнь за царя» стала первой национальной оперой европейского уровня²³, прошел столь же незаметно для широкой публики, несмотря на успех премьеры и ее высочайшее одобрение. В отличие от художников русские музыканты не имели корпоративной институции, подобной Академии художеств; вследствие этого чествование Глинки состоялось в частном доме, в дружеском кругу. 13 декабря на обеде у А.В. Всеволожского по традиции, установившейся для подобных торжеств, композитора приветствовали исполнением сочиненных в его честь куплетов. В данном случае это был канон на музыку В.Ф. Одоевского «Пой в восторге, русский хор», слова для которого написали Мих. Ю. Виельгорский, П.А. Вяземский, Жуковский и Пушкин. Спустя два дня это шутивное приношение было с дозволения цензуры опубликовано отдельной брошюрой²⁴ – тем все и ограничилось.

Очевидно, что в Петербурге разрозненные попытки чествования частных лиц даже за достижения явно патриотического характера не получали той поддержки властей, которая позволила бы им превратиться в общественно значимые события. В рамках официальной праздничной культуры, сосредоточенной на прославлении деяний самодержца, просто-напросто отсутствовал формат для публичного признания частных заслуг.

2

Однако в начале 1830-х гг. в России уже начала приживаться заимствованная традиция, позволявшая отчасти решить эту проблему.

Первым опытом частной инициативы, направленной на чествование общественных заслуг, стало поднесение И.-Г. Вейссе, на протяжении 30 лет (1788–1818) бывшего директором Главного немецкого училища в Петербурге (Petrischule), почетной медали ко дню его 80-летия 22 марта 1833 г. Медаль с латинской надписью была изготовлена на собранные по под-

¹⁹ В этом сказалось высочайшее недовольство поведением художника, который, в 1834 г. получив звание профессора Академии художеств, не торопился возвращаться в Петербург к своим новым обязанностям.

²⁰ Подробный «порядок приема» Брюллова в Академии см.: К.П. Брюллов в письмах, документах... / Сост. Н.Г. Машковцев. М., 1952. С. 113–114.

²¹ Цит. по: Там же. С. 115.

²² Единственное исключение – запоздалые десять строк в «Художественной газете», начавшей выходить в сентябре того же года (1836. № 1. С. 16; раздел «Смесь»). Обещание издателя, Н.В. Кукольника, вскоре более подробно осветить «обстоятельства, сопровождавшие праздник русских художников», исполнено не было.

²³ Такое понимание заслуг Глинки отразилось в двустихии, приписываемом Кукольнику и якобы сочиненном непосредственно после премьеры: «С ним музыки русской зарделась заря, / Забыт он не будет, как “Жизнь за царя”» (подробнее см.: *Штейнпресс Б.С.* Глинка, Верстовский и другие // М.И. Глинка. Исследования и материалы. М.; Л., 1950. С. 125–126).

²⁴ Канон, слова Пушкина, Жуковского, князя Вяземского и гр. Виельгорского, музыка кн. Владимира Одоевского и М.И. Глинки «sic!». СПб., 15 декабря 1836.

писке средства друзей и многочисленных учеников заслуженного педагога, к тому времени давно ушедшего на покой²⁵. Впрочем, это событие, несмотря на его значимость не только для петербургских немцев, но и для более широких кругов столичного общества, было проигнорировано русскоязычной прессой.

Общественное чествование в связи с круглыми датами со дня рождения долго еще не получало развития в России; при этом в начале 1839 г. М.А. Корф замечал в дневнике: «С некоторых пор у нас вводится обычай, давно уже существующий в Германии и вообще за границей, праздновать 50-летние юбилеи заслуженных и почему-либо приобретших общую известность лиц»²⁶.

Стоит уточнить, что названный обычай был распространен почти исключительно в Германии. Торжественного чествования по поводу 50-летия службы удостоивались государственные деятели, военные, духовные лица, а также врачи. Непременным условием было пребывание юбиляра по-прежнему у дел, а не в отставке, в связи с чем подобные праздники оказывались чрезвычайно редки. Наиболее известно торжество по случаю 50-летия службы Гёте при веймарском дворе, устроенное 7 ноября 1825 г. Атрибутами юбилеев были поздравительные куплеты (кантата) или стихотворное приветствие, иногда печатавшиеся отдельным изданием, разнообразные подарки и зачастую памятная медаль²⁷. Инициаторами подобных праздников могли выступать профессиональные корпорации, университеты или верховная власть, но в любом случае подчеркивалось, что многолетняя деятельность юбиляра носила общественно полезный характер.

В России с 1790-х гг. за выслугу лет жаловались государственные награды: Анненская медаль для нижних чинов (за 20 лет беспорочной службы), орден Св. Георгия 4-й степени для офицеров (за 25 лет в полевой службе и 18 или 20 кампаний для моряков) и орден Св. Владимира 4-й степени для чиновников (за 35 лет службы в классных чинах). А в 1827 г. был учрежден Знак отличия беспорочной службы²⁸, которым награждались как военные, так и статские чины начиная с выслуги в 15 лет и далее каждые пять лет. Известны случаи награждения таким знаком за 50, 60 и даже 70 лет службы, однако сакраментальная «юбилейная» дата – 50-летие службы – никак особенно не выделялась, и никаким специальным чествованием, тем более общественным, пожалование таких наград не сопровождалось.

Мысль отпраздновать юбилей служебной деятельности в том смысле, как он понимался в Германии, закономерно пришла в голову служащим Министерства иностранных дел. 21 мая 1833 г. чиновники Азиатского департамента отметили 50-летие службы своего неизменного директора К.К. Родофиникина, поднеся ему «богатую серебряную на малахитовом пьедестале вазу с надписью “Доброму начальнику”»²⁹. Для этого было испрашено высочайшее разрешение, хотя само чествование носило непубличный характер.

Следующий шаг был сделан спустя три года. Продолжая приведенную выше запись, Корф отмечает, что «чуть ли не первый пример, по крайней мере на нашей памяти, *публичного* празднества такого рода, сделавшегося *официальным* через участие (разумеется, милостями, а не лично), которое принял в нем Государь, был юбилей профессора Загорского <...>. После праздновали уже таким же образом юбилей доктора Рюля»³⁰.

²⁵ См.: Дьяков М.Е. Медали Российской Империи. М., 2006. Ч. 4. 1825–1855. С. 68 (№ 504).

²⁶ Корф М.А. Дневники 1838 и 1839 гг. М., 2010. С. 250 (запись от 22 января 1839 г.).

²⁷ См., например, медали, выбитые в честь 50-летних юбилеев пастора Г. Петри (1748), Гёте (1825, 1826), антрополога и натуралиста И.-Ф. Блуменбаха (1825), врача Х.В. Гуфеланда (1833), генерала К.Ф. фон Лоттума (1834) и др.

²⁸ В 1828 г. для дам, служивших в благотворительных заведениях ведомства императрицы Марии, был учрежден Маринский знак беспорочной службы 1-й и 2-й степеней.

²⁹ Яковлев М. Константин Константинович Родофиникин // Санктпетербургские ведомости. 1838. № 187. С. 860.

³⁰ Корф М.А. Дневники 1838 и 1839 гг. С. 250 (курсив автора).

Действительно, именно врачи первыми в России начали публично отмечать юбилеи своих заслуженных собратьев. 2 ноября 1836 г. в Петербурге, в зале Дворянского собрания в доме Энгельгардта был дан праздник в честь 50-летия врачебной службы упомянутого Корфом П.А. Загорского – выдающегося анатома и физиолога, члена Императорской Академии наук и Российской Академии³¹. В парадном обеде приняли участие более 160 человек. Помимо многочисленных коллег и учеников юбиляра присутствовали несколько членов обеих Академий, в том числе Пушкин, а также Крылов и ряд литераторов, которые вскоре будут причастны к его собственному юбилею: Н.В. Кукольник, М.Е. Лобанов, П.А. Плетнев и др. А 16 июля 1837 г. в зале Заведения искусственных минеральных вод в Новой деревне состоялся второй подобный праздник: так врачебное сообщество отметило юбилей лейб-медика И.Ф. Рюля. В прошлом военный врач, он служил в учреждениях ведомства императрицы Марии и особенно много сделал в области лечения и призрения душевнобольных.

Оба праздника были тщательно подготовлены специальными комитетами, состоявшими из именитых коллег. Заранее организованные сборы средств по подписке³² позволили не только устроить торжественные обеды и поднести юбилярам ценные подарки, но и заказать на Санкт-Петербургском монетном дворе памятные медали³³. В обоих случаях чествование происходило по одному сценарию: утром представители комитета посещали юбиляра на квартире, поздравляли его, в том числе от имени различных ученых обществ, и приглашали прибыть на банкет, устроенный в его честь. Тогда же юбиляру вручались высочайше пожалованные награды³⁴. Спустя несколько часов празднование продолжалось многолюдным торжественным обедом с музыкой, речами и обязательным исполнением государственного гимна после тоста в честь государя. При этом подносились медаль и подарок – серебряная ваза с памятной надписью; виновник торжества произносил ответную речь. Банкет завершился тостом за процветание врачебной корпорации.

Юбилейные праздники как любопытная культурная новинка привлекли к себе повышенное общественное внимание. О первом таком событии – юбилее «ученой и полезной службы» Загорского – поведал своим читателям не только специализированный медицинский еженедельник, но и «Библиотека для чтения» – недавно начавший выходить журнал нового, энциклопедического типа. Подробное описание чествования доктора Рюля поместила, опережая «Друга здравия», «Северная пчела»³⁵, популярнейшая газета эпохи.

Традиция публичного празднования профессиональных юбилеев не случайно проникла в Россию через врачебное сообщество. Таинственная сложность медицинской профессии, пограничной между ремеслом и искусством, и представление о ее высокой значимости еще со времен Средневековья способствовали формированию у врачей отчетливого самосознания, основанного на принадлежности к особой корпорации. Вместе с профессиональной культурой, включавшей понятие о репутации и уважение к заслугам коллег, это самосознание было усво-

³¹ Подробное описание торжества см.: Пятидесятилетие заслуженного профессора, академика, действительного статского советника и кавалера Петра Андреевича Загорского (СПб., 1838). В этой брошюре юбилей Загорского назван «первым у нас праздником в таком роде» (С. 3).

³² Так, согласно названной юбилейной брошюре, в подписке на праздник в честь Загорского приняли участие 1190 человек – в абсолютном большинстве врачи, в том числе провинциальные.

³³ Памятные медали в честь П.А. Загорского и И.Ф. Рюля см.: *Дьяков М.Е.* Медали Российской Империи. 1825–1855. М., 2006. Ч. 4. С. 90 (№ 532), 94 (№ 538).

³⁴ Загорскому была пожалована украшенная бриллиантами табакерка с вензелем императора, Рюлю – орден Белого орла.

³⁵ Описание юбилея Загорского см.: *Друг здравия*. 1836. № 42. С. 336 (здесь он назван «праздником, навсегда замечательным в летописях русских врачей»); *Библиотека для чтения*. 1836. Т. 19. Отд. 6. С. 74–76. О юбилее Рюля см.: *А.Н. [Никитин А.Н.]* Письмо к приятелю в деревню о праздновании пятидесятилетнего юбилея г-на тайного советника лейб-медика И.Ф. Рюля // *Северная пчела*. 1837. 27 июля. № 166. С. 663–664; то же, с сокращениями – *Друг здравия*. 1837. № 31. С. 240. См. также рецензию А.Н. Никитина на брошюру, посвященную юбилею Загорского (*Северная пчела*. 1838. 25 февраля. № 45. С. 179).

ено и русскими медиками: среди них многие получили образование в европейских университетах или являлись учениками иностранных профессоров, преподававших в России³⁶.

Среди всех профессиональных групп, существовавших на тот момент в русском обществе, включая военных, инженеров, художников и проч., врачи наиболее живо и полно ощущали себя как корпорацию; громкий резонанс «докторских» юбилеев способствовал тому, что идею быстро подхватили другие профессиональные сообщества.

Вслед за врачами на этот путь вступили литераторы. Формирование самосознания литературного сообщества в России еще ожидает своего исследователя³⁷, но несомненно, что крыловский юбилей стал для этого процесса важнейшей вехой.

3

К середине 1820-х гг. в русском литературном быту возникло такое явление, как литературный обед³⁸. От частного дружеского застолья его отличала фигура организатора – человека, который мог собрать под одной крышей максимально широкий круг литераторов вне зависимости от их отношений друг с другом. Такие обеды предполагали немалое число участников и превращались в своего рода «перемирия» между представителями разных литературных лагерей. Первый подобный обед был дан авторам альманаха «Полярная звезда» его издателями А.А. Бестужевым и К.Ф. Рылеевым 20 января 1824 г.³⁹ На нем присутствовали «все почти литераторы», в том числе Крылов⁴⁰. «Вид был прелюбезный, – сообщал Бестужев П.А. Вяземскому 28 января, – многие враги сидели мирно об руку, и литературная ненависть не мешалась в личную»⁴¹. Действительно, «Полярная звезда» сумела объединить под своей обложкой едва ли не всех известных писателей, от Грибоедова и Пушкина до Шаховского и Булгарина, и это сделало обед 20 января событием общелитературного масштаба.

В середине мая 1826 г. Н.И. Греч устроил у себя на квартире обед в честь прибывшего в Петербург французского литератора Ф. Ансело. Краткое описание этого события культурной жизни столицы 20 мая появилось в «Северной пчеле», соиздателем которой был Греч; позднее сам герой торжества посвятил этому обеду письмо VIII своей книги «Шесть месяцев в России»⁴². Ансело, в отличие от многих рядовых иностранных путешественников, обладал особым статусом. Он занимал должность библиотекаря короля Людовика XVIII и в Петербург прибыл

³⁶ Одним из проводников европейских традиций врачебной корпорации в России служило Немецкое врачебное общество, основанное в Петербурге в 1819 г. О нем см.: *Шрадер Т.А.* Немецкое врачебное общество в Санкт-Петербурге в XIX веке // И.Ф. Буш и развитие медицины в XVIII–XIX веках. Материалы симпозиума. Санкт-Петербург, 28 февраля 2001 г. / Под ред. А.А. Вихмана. СПб., 2002. С. 115–121.

³⁷ Наиболее близко к этой проблеме подошли Т.С. Гриц, В.В. Тренин и М.М. Никитин в книге «Словесность и коммерция (Книжная лавка А.Ф. Смирдина)» (М., 1929) и, много позже, А.И. Рейтблат в статье «Русская литература как социальный институт» (*Рейтблат А.И.* Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М., 2014. С. 11–32). В последней работе, однако, рост профессионального самосознания русских писателей отмечается только в пореформенное время.

³⁸ Материал о позднейшем бытовании этого явления подобран в статье: *Olaszek B.* Литературные обеды в культурном пространстве Петербурга второй половины XIX в. // *Festkultur in der russischen Literatur (18. bis 21. Jahrhundert)* – Культура праздника в русской литературе XVIII–XXI вв. S. 71–79).

³⁹ Где именно был устроен обед, неизвестно, но можно предположить, что наиболее удобна для этой цели была просторная служебная квартира Рылеева в доме Российско-Американской компании, где в 1824–1825 гг. вместе с ним жили братья Александр и Михаил Бестужевы (см.: *Сиротин А.Б.* Памятные места декабристов в Санкт-Петербурге. Справочный указатель // 14 декабря 1825 года. Вып. VII. 1825–2005. С. 95). Менее вероятно, что это происходило на казенной адъютантской квартире Бестужева при Корпусе инженеров путей сообщения (Там же. С. 117) или в доме его матери, где он, по некоторым сведениям, проживал в описываемый период (*Шубин В.Ф.* Поэты пушкинского Петербурга. Л., 1985. С. 314).

⁴⁰ Памятная книжка А.А. Бестужева 1824 г. // Памяти декабристов. Вып. 1. Л., 1926. С. 61. В «Полярной звезде» на 1823 г. была напечатана басня Крылова «Крестьянин и овца», на 1825-й – басни «Ворона» и «Мельник».

⁴¹ Литературное наследство. Т. 60. Кн. 1. М.; Л., 1958. С. 214.

⁴² *Ансело Ф.* Шесть месяцев в России. М., 2001. С. 41–43.

в качестве секретаря чрезвычайного посла Франции маршала О.-Ф. Мармона, направлявшегося на коронацию Николая I, что придавало ему самому в глазах русских литераторов значение едва ли не полномочного посла французской культуры в России. Соответственно, особую значимость приобретал и приветственный обед в его честь.

Помимо Греча и его друга и компаньона Булгарина в этом обеде приняли участие литераторы и любители литературы (как русские, так и французы) – всего около тридцати человек: «поэты, ученые и грамматисты», в том числе Крылов (его Ансело в своем описании обеда упоминает первым), Лобанов, А.Е. Измайлов, О.М. Сомов, художник-медальер Ф.П. Толстой. В качестве оммажа гостю был поднят тост «за процветание французской литературы, старшей сестры русской словесности, и за здоровье представителя ее на берегах Невы господина Ансело»⁴³; в заключение он сам прочел для присутствующих фрагменты своей новой комедии. Между тем русской литературе на этом обеде также было уделено существенное внимание. Это сказалось уже в традиционном первом тосте в честь государя, «который, облагодетельствовав Карамзина, почтив вниманием своим Крылова, Жуковского, ободрил, почтил и оживил русскую словесность»⁴⁴. По-видимому, провозглашались и тосты за отдельных русских литераторов, из которых Ансело запомнился один – за здоровье отсутствующего Жуковского, который тогда путешествовал за границей.

Обед в честь Ансело пришелся на время, чрезвычайно насыщенное драматическими событиями: вследствие участия многих литераторов в заговоре и восстании декабристов политическая репутация русской словесности оказалась тогда под вопросом⁴⁵. В столь нервной атмосфере милости, оказанные Карамзину, Крылову и Жуковскому, несомненно, интерпретировались как знак того, что монарший гнев поразит только виновных и минует литературное сообщество в целом.

Страх, порожденный этой ситуацией, в последующие годы постепенно рассеивался и к началу 1830-х гг. уступил место иному устроению. В европейском контексте русская литература перестает считать себя «младшей сестрой» и всерьез претендует на равенство с другими литературами. Внутри страны русские литераторы отчетливо осознают свое цеховое единство и особую миссию.

В этом отношении показателен следующий большой литературный обед. Он был устроен 19 февраля 1832 г. издателем А.Ф. Смирдиным в связи с переездом его книжной лавки и библиотеки в новое роскошное помещение на Невском проспекте, в доме Петропавловской лютеранской церкви. Там, в будущем читальном зале, собрались писатели, журналисты, художники-иллюстраторы и цензоры – всего более пятидесяти человек. Почетное место за столом было отведено Крылову как признанному дуайену литературного цеха.

Несмотря на, казалось бы, частный характер этого праздника, он удостоился описаний в столичных газетах. «Небывалое на Руси пиршество» – так определил новоселье Смирдина безымянный автор «Русского инвалида» (по-видимому, А.Ф. Воейков)⁴⁶. «Единственное и первое в России празднество»; «веселость, откровенность, остроумие и какое-то безусловное братство одушевляли сие торжество», – вторил ему Н.И. Греч, сам принимавший деятельное участие в организации этого праздника⁴⁷. «Первый не только в Петербурге, но и в России по полному (почти) числу писателей пир и, следовательно, отменно любопытный; тут соедини-

⁴³ Северная пчела. 1826. 20 мая. № 60. Л. 2 об.

⁴⁴ Там же. В том же номере газеты было помещено сообщение о пожаловании Карамзину беспрецедентного пенсионера (50 тыс. руб.). Под высочайшим вниманием к Жуковскому, по-видимому, подразумевается назначение его наставником будущего наследника престола, сына великого князя Николая Павловича (12 июля 1825 г.). О каких-либо милостях, оказанных в это время Крылову молодым императором, неизвестно.

⁴⁵ На это, в частности, обратил внимание Н.Я. Эйдельман (см.: *Эйдельман Н.* Последний летописец. М., 1983. С. 145–146).

⁴⁶ Русский инвалид. 1832. № 46. 22 февраля. С. 183.

⁴⁷ Греч Н. Письмо к В.А. Ушакову // Северная пчела. 1832. 26 февраля. № 45. Л. 1 об. – 2.

лись в одной зале и обиженные и обидчики, тут были даже ложные доносчики и лазутчики», – записал другой участник обеда, М.Е. Лобанов⁴⁸.

Этот праздник по своему значению вышел далеко за пределы своей ближайшей цели – продвижения коммерческого предприятия Смирдина. По сути, сообщество литераторов чувствовало само себя и отечественную литературу в целом. Об этом говорит порядок здравий: уже в первом тосте, традиционно поднят за государя, подчеркивалось, что он, даровав России новый цензурный устав, стал «воскресителем русской словесности»⁴⁹. Далее шел тост «за здоровье почтенного хозяина»; затем пили персонально за наиболее выдающихся писателей-современников, включая отсутствующих, по старшинству, в том числе за И.И. Дмитриева и Крылова. Тот, со своей стороны, предложил «почтить память отшедших к покою писателей», в основном живших в XVIII в., начиная с Кантемира, а также выпить за «здравие московских литераторов». Последние бокалы были подняты «за здравие всех нынешних писателей <...> читателей и покупателей»⁵⁰. Так очерчивалось единое пространство российской словесности, в которое включались как давно почившие предшественники, так и все ныне живущие русские писатели; в него же входили и августейшие покровители литературы, и рядовые ее потребители. Неслучайна и «гордость при виде русских книг, до 16 000 творений заключающих», которую, по словам «Русского инвалида», испытывали гости, находившиеся в помещении библиотеки Смирдина.

Во время обеда ту же мысль об историческом единстве русской литературы выразил старейший из присутствовавших поэтов, 75-летний Д.И. Хвостов. Он приветствовал хозяина праздника небольшим стихотворением «На новоселье А.Ф. Смирдина»:

Угодник русских муз! свой праздной юбилей;
Гостям шампанское для новоселья лей.
Ты нам Державина, Карамзина из гроба
К бессмертной жизни вновь, усердствуя, воззвал
Для лавра нового, восторга и похвал.
Они Отечество достойно славят оба!
Но ты к пареню путь открыл свободный им:
Мы нашим внучатам твой труд передадим⁵¹.

Употребление в этом контексте слова «юбилей» выглядит несколько курьезным. Ранее в России юбилеями именовались лишь знаменательные даты в жизни царствующего дома и высочайше опекаемых заведений⁵². Под такое определение новоселье лавки Смирдина опре-

⁴⁸ Цит. по: Крылов в воспоминаниях современников / Подгот. А.М. Гордин, М.А. Гордин. М., 1982. С. 91; далее в сносках – КВС.

⁴⁹ Имеется в виду цензурный устав 1828 г., более разумный и гибкий, чем «чугунный» устав 1826 г. Ср. с вариантом того же тоста: «Здравие государя императора, сочинителя прекрасной книги “Устав цензуры”» (КВС. С. 91).

⁵⁰ Греч Н. Указ. соч. // Северная пчела. 1832. 26 февраля. № 45. Л. 1 об. – 2. Иной порядок тостов описан в процитированной заметке «Русского инвалида». Заметим, что «перемирие» между представителями враждующих литературных лагерей за столом у Смирдина было весьма условным. Так, Пушкин не удержался от полушутливого выпада против Булгарина и Греча, сравнив сидевшего между ними цензора В.Н. Семенова с Христом, распятым меж двух разбойников (Рассказы о Пушкине // Русская старина. 1870. С. 570–571).

⁵¹ Дамский журнал. 1832. Ч. XXXVII. № 11. С. 168. «Все гости были писатели, в том числе Жуковский, Пушкин, Крылов, – сообщил Хвостов издателю «Дамского журнала» П.И. Шаликову, посылая ему для публикации свое стихотворение. – Стихи мои приняты со всею братскою похвалою и в ту же минуту, во время обеда, напечатаны у хозяина в типографии» (Там же). Впоследствии текст Хвостова воспроизвел Смирдин в своей преамбуле к альманаху «Новоселье» (СПб., 1833. С. VI).

⁵² Ср. пролог М.М. Хераскова «Счастливая Россия, или Двадцатипятилетний юбилей» (1787), посвященный годовщине восшествия на престол Екатерины II, и описание праздника в честь 25-летия начальствования императрицы Марии Федоровны над Воспитательным обществом благородных девиц, озаглавленное «Достопамятный юбилей» (Отечественные записки. 1821. Ч. 8. № 20. С. 443–453). Из более поздних фиксаций слова в данном значении укажем на письмо Пушкина к М.Л. Яковлеву (9–15 октября 1836 г.): «Нечего для двадцатипятилетнего юбилея изменять старинные обычаи Лицея» (Пушкин А.С. Полн.

деленно не подпадало. Хвостов, однако, толкует понятие «юбилей» расширительно, вкладывая в него значение «редкий, особо значимый праздник»⁵³.

Примерно через год Ф.В. Булгарин, констатируя профессионализацию литературного труда, провозгласит возникновение в России «сословия литераторов», существующего «независимо от других сословий» и посвятившего себя «исключительно обрабатыванию одной отрасли»⁵⁴. «Сословиям» такого рода присуще сознание группового единства и важности общего дела, уважение к своему прошлому и к профессиональным авторитетам. Таким безусловным живым авторитетом практически для всех русских литераторов, к какому бы лагерю они ни принадлежали, еще с середины 1820-х гг. был Крылов. Не случайно первым публичным празднеством «сословия литераторов» и одновременно актом официального признания литературы как реальной общественной силы стало празднование его литературного юбилея в начале 1838 г.

4

Организатором юбилейного торжества в честь Крылова могла бы выступить Российская академия, членом которой баснописец был с 1811 г. Еще в 1823 г. она присудила ему Большую золотую медаль, а в марте 1837-го приняла единогласное решение заказать на свой счет его портрет и «поставить в зале собрания»⁵⁵. Однако Российская академия никогда не отмечала юбилеи своих членов, а действующих литературных обществ в столице на тот момент не было. Петербургский Английский клуб, в который Крылов вступил в 1817 г., имел традицию устройства больших торжественных обедов (как «годовых», так и по случаю собственных юбилеев, а также в связи с важнейшими государственными празднествами)⁵⁶, но и там не было принято чествовать таким образом отдельных членов. В отсутствие институций, способных взять на себя такую инициативу, замысел почтить Крылова особым праздником от имени литературного сообщества зародился в частном кругу. Это произошло в начале ноября 1837 г.

По всей вероятности, толчком послужил следующий крупный литературный обед, данный Воейковым и его коммерческим партнером, купцом 1-й гильдии В.Г. Жуковым 6 ноября 1837 г. по случаю открытия ими собственной типографии. Приглашены были практически все

собр. соч.: В 17 т. М.; Л., 1937–1959. Т. XVI. С. 168).

⁵³ Позднее близкое значение (торжественное празднество по поводу 50-летия или иной крупной даты) зафиксировано в своем словаре В.И. Даль, иллюстрируя его режущими современным слух словосочетаниями «юбилей пятидесятилетия службы» и «юбилей тысячелетия Руси».

⁵⁴ Булгарин Ф. Об общепольном предприятии книгопродавца А.Ф. Смирдина (Окончание) // Северная пчела. 1833. 30 декабря. № 300. С. 1187.

⁵⁵ См.: Бабищев С.М. И.А. Крылов в Российской Академии // Вопросы изучения русской литературы XI–XX веков. М.; Л., 1958. С. 69. Такое же решение было принято и в отношении портрета покойного Н.И. Гнедича. Стоит отметить, что несколько ранее Крылов возражал против задуманного Академией издания биографий ее членов с портретами: «По мнению моему, едва ли прилично ученому обществу издавать историю своих членов при жизни их» (Там же). Можно предположить, что изображение Крылова Академия заказала лучшему портретисту столицы Карлу Брюллову. Однако тот приступил к работе не сразу (см. упоминание о посещении мастерской Брюллова 10 февраля 1840 г. и виденном там портрете Крылова – Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского. М., 1998. С. 362), а летом 1841 г. Российская академия перестала существовать как самостоятельное учреждение и была слита с Императорской Академией наук. Заказ, таким образом, аннулировался, вследствие чего художник потерял интерес к работе и оставил ее. Ученик Брюллова М.И. Железнов так вспоминал об этом эпизоде: «Голова этого портрета, его одежда и фон были написаны в один сеанс, а на том месте, где должна была находиться рука, осталась незакрашенная холстина. Кажется, что необыкновенно удачное начало портрета должно было бы заставить художника позаботиться поскорее приписать к нему руку, но Брюллов не собрался этого сделать до самой смерти Крылова и потом, смеясь, говорил: “Крылов предсказал, что портрет, который я начал с него, никогда не будет окончен”» (цит. по: Ракова М. Брюллов-портретист. М., 1956. С. 152). Впоследствии рука была дописана учеником Брюллова Ф.А. Горецким с гипсового слепка руки умершего Крылова. Это неудачное дополнение не мешало многим современникам признавать портрет баснописца одним из лучших произведений Брюллова; работа тем не менее долго не находила покупателя и была приобретена В.А. Перовским за тысячу рублей серебром лишь в 1849 г.

⁵⁶ Завьялова Л.В. Петербургский Английский клуб. 1770–1918: Очерки истории. СПб., 2008.

петербургские литераторы за исключением Греча, Булгарина и О.И. Сенковского – личных врагов Воейкова. Среди гостей был и Крылов, которому как фактическому старшине литературного цеха отвели почетное место за столом – так же, как это было сделано на новоселье Смирдина и, вероятно, на чествовании Ансело.

Литературная борьба к этому времени достигла такого накала, что примирения «партий», хотя бы временного, на обеде не произошло. То, что «литературные аристократы» и их антагонисты, представители «литературной промышленности», держались подчеркнуто обособленно, отмечают сразу несколько мемуаристов⁵⁷. Натянутые отношения между гостями дали о себе знать в неожиданно возникшей «борьбе тостов»: в ответ на произнесенный А.В. Никитенко тост за Иоганна Гутенберга, изобретателя книгопечатания, Н.В. Кукольник, И.П. Сахаров, Н.А. Полевой и др. потребовали пить за русского первопечатника Ивана Федорова. Вскоре, когда большинство «аристократов» уже покинули собрание, начался, по красноречивым описаниям И.И. Панаева и того же Сахарова, разгул, сопровождавшийся аффективными демонстрациями «русскости» вплоть до пляски вприсядку.

По меркам других литературных обедов, затея Воейкова закончилась полным провалом. Его обед, устроенный, в отличие от рафинированного праздника у Смирдина, в нарочито трактирном стиле, свелся к заурядной попойке⁵⁸. Однако заслуживает внимания всплеск патриотических чувств, его завершивший. Так проявился один из важнейших аспектов развития самосознания русского литературного сообщества – поиск адекватного выражения национального характера.

Уже на следующий день, 7 ноября, беллетрист и переводчик В.И. Карлгоф принимал обычных посетителей своего салона: Кукольника, Е.Ф. Розена, К.П. Брюллова и др., а также Крылова. Сам хозяин и большинство гостей побывали у Воейкова и, несомненно, находились под свежим впечатлением. Хотя атмосфера семейного обеда в присутствии хозяйки дома радикально отличалась от той, которая царилла накануне, не будет натяжкой предположить, что вопрос о национальном духе отечественной словесности и здесь волновал собравшихся. Но теперь центром внимания стал Крылов.

За четыре с небольшим месяца до описываемых событий в московском журнале «Живописное обозрение» была опубликована биографическая заметка о нем. В ней говорилось:

Имя Ивана Андреевича Крылова знакомо каждому грамотному русскому. Кто не знает нашего неподражаемого баснописца, нашего Лафонтена, философа народного? Кто не прочтет нам наизусть хоть нескольких басен его? Кто не говорит, часто сам не замечая того, выражениями басен Крылова?... Эти выражения сделались народными пословицами и, заключая в себе умную правду, в самом деле заменяют для народа нравственную философию. Надобно прибавить, что едва ли кто из русских писателей пользовался такою славой, как И.А. Крылов⁵⁹.

В этом каскаде восторженных характеристик выразилось уже сложившееся восприятие Крылова как национального классика, признанного олицетворения русского начала в литературе.

⁵⁷ Записки И.П. Сахарова // Русский архив. 1873. № 6. Стб. 942; Панаев И.И. Литературные воспоминания. М., 1988. С. 109.

⁵⁸ Краткое сопоставление обедов дано в историко-краеведческой работе: Сидоренко Л. Два обеда // Санкт-Петербургские ведомости. 2012. 30 ноября. № 46. С. 5. Беллетризованное описание вечера у Воейкова см.: Панаев И.И. Литературные воспоминания. С. 108–110. Никитенко, шокированный произошедшим, внес его подробное описание в свой дневник, отметив, что в довершение всего у него украли шубу (см.: Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. [Л.] 1955. Т. 1. С. 201–202, запись от 7 ноября 1837 г.).

⁵⁹ [Полевой Н.А.] Иван Андреевич Крылов // Живописное обозрение достопамятных предметов наук, искусств, художеств... 1837. Ч. 3. С. 22.

Автор статьи в «Живописном обозрении», Николай Полевой, вечером 7 ноября был среди гостей Карлгофа. Он мог напомнить присутствующим о том, что приближается день рождения Крылова: в его заметке утверждалось, что баснописец родился 2 февраля 1768 г.⁶⁰, из чего следовало, что вскоре ему исполнится 70 лет. Супруга Карлгофа, Елизавета Алексеевна, вспоминала:

Посреди оживленного застольного разговора муж мой взял Крылова за руку и сказал, что имеет до него просьбу. Тот отвечал, что непременно исполнит ее, если это только в его воле. «Так вы будете у нас обедать второго февраля?» Крылов немного задумался, наконец смекнул, в чем дело, поблагодарил моего мужа и обещал быть у нас 2 февраля. Мы тут же пригласили на этот день всех присутствующих⁶¹.

Таким образом, первоначальный замысел крыловского праздника укладывался в традиционную рамку званого обеда в частном доме. В семействе Карлгофов подобные обеды не были редкостью. Согласно мемуарам хозяйки дома, 28 января 1836 г. в честь прибытия в Петербург Д.В. Давыдова они собрали у себя всю «литературную аристократию», в том числе Крылова. Впрочем, никакого специального чествования знаменитого гостя в тот вечер не происходило: за столом «много толковали о мнимом открытии обитаемости Луны», беседовали о литературе и читали стихи – однако вовсе не Давыдова⁶². Еще один подобный обед был дан примерно через год, в начале Великого поста 1837-го, по случаю переезда в столицу состоятельного и просвещенного москвича Ю.Н. Бартенева; этот обед был замечателен присутствием на нем «литераторов всех партий»⁶³.

Шутливо-фамильярное предложение Карлгофа недаром озадачило баснописца: как и немалая часть его современников, он не имел обыкновения отмечать день своего рождения. Между тем для самого хозяина дома эта мысль вполне естественна: ему, в силу немецкого происхождения, была близка протестантская праздничная культура, заметно отличавшаяся от тогдашней православной. Прием в честь Крылова, несомненно, послужил бы украшением литературного салона Карлгофов; имелись все основания рассчитывать, что именитый поэт примет приглашение, поскольку дом Олениных, где он на протяжении многих лет был своим человеком, в это время из-за тяжелой болезни хозяйки закрылся для гостей⁶⁴.

Так уникальное стечение целого ряда обстоятельств открыло новую перспективу литературного бытия Крылова. Отныне его имя и репутация зажили отдельной жизнью, в которой формальный повод биографического характера приобретал большее значение, чем привычки и намерения самого поэта.

5

«В январе мы начали уже помышлять об обеде, который хотели дать у себя в день рождения Ивана Андреевича <...> Мы часто говорили с мужем об этом обеде, начали даже делать

⁶⁰ Вопрос о точной дате рождения Крылова (как о годе, так и о дне) поныне остается дискуссионным из-за отсутствия метрической записи и противоречивости других источников. Примечательно, что в сообщении о праздновании юбилея Крылова, помещенном в газете «Русский инвалид», говорилось о «72-м дне рождения» баснописца (РИ. 1838. 4 февраля. № 31. С. 122), что соответствовало сведениям, внесенным в «Именной список чиновников» Публичной библиотеки за 1837, 1838 и 1840 гг. Подробнее см.: *Бабищев С.* О годе рождения И.А. Крылова // *Русская литература.* 1959. № 3.

⁶¹ *Драшусова-Карлгоф Е.А.* Жизнь прожить – не поле перейти. Записки неизвестной // *Русский вестник.* 1881. № 10. С. 723. О высокой достоверности этих мемуаров, основанных на дневниковых записях автора, см.: *Ильин-Томич А.А.* Драшусова Елизавета Алексеевна // *Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь.* Т. 2. М., 1992. С. 181–182.

⁶² *Драшусова-Карлгоф Е.А.* Жизнь прожить – не поле перейти. № 9. С. 151–152.

⁶³ Там же. № 10. С. 714.

⁶⁴ Е.М. Оленина скончалась 3 июля 1838 г., через пять месяцев после того, как был отмечен юбилей Крылова.

список тех, кого хотели пригласить», – вспоминала Е.А. Карлгоф⁶⁵. Но этим планам не суждено было реализоваться.

17 декабря 1837 г. катастрофический пожар уничтожил Зимний дворец. Это событие на следующие несколько месяцев стало определяющим для общественных настроений в Петербурге. В годовом отчете III Отделения подчеркивалось: невиданное бедствие «послужило новым доказательством того сердечного участия, которое народ всегда принимает и в радостях, и в печалях венценосцев своих. <...> Горесть сия глубоко и искренно разделялась всеми сословиями жителей. <...> На другой же день купечество здешнее и некоторые дворяне просили принять пожертвования их на постройку дворца»⁶⁶. Все это окрасило конец 1837 и начало 1838 г. в экстатически яркие официально-патриотические тона.

На таком фоне власть неожиданно продемонстрировала глубокое недоверие к литературному сообществу. В отличие от купечества, дворянства и простого народа, которым не возбранялось проявлять верноподданнические чувства, журналисты и писатели, вследствие жестких цензурных ограничений на упоминание пожара в печати, оказались практически лишены возможности выразить свою общественную позицию⁶⁷. Связанное с этим ощущение принудительной исключенности, очевидно, подхлестнуло тягу литераторов к официальному признанию их «сословия», обладающего, подобно другим общественным группам, собственной, весьма значимой для государства миссией. И здесь фигура Крылова оказалась идеальным объектом, вокруг которого литературное сообщество могло сплотиться.

Не последнюю роль в возникновении самой возможности подобной консолидации сыграло отсутствие Пушкина. С его гибелью нарождающаяся корпорация лишилась альтернативного «центра силы», олицетворявшего индивидуалистическое начало в литературе, подчеркнутое «самостоянье» писателя, в том числе и по отношению к власти. «Пушкин соединял в себе два единых существа: он был великий поэт и великий либерал» – эта формулировка из отчета III Отделения за 1837 г.⁶⁸ отразила представление о двойственности Пушкина, отчетливо контрастировавшее с распространенным представлением о единичности Крылова. Подчеркнуто лояльный Крылов, живое воплощение патриархальной народности, остался после смерти Пушкина единственным безусловным авторитетом.

Еще одним фактором, сформировавшим контекст крыловского юбилея, стала кончина в Москве 3 октября 1837 г. И.И. Дмитриева. Давно отошедший от активной литературной деятельности поэт до последних дней воспринимался литературным сообществом в качестве патриарха русской словесности. С.П. Шевырев писал в те дни: «Рождению литературы нашей нет и столетия: если бы Дмитриев прожил еще два года, то мог бы праздновать в 1839 году⁶⁹ юбилей русской поэзии как старший ее представитель»⁷⁰. Эта смерть подвела черту под давнишним спором о сравнительных достоинствах обоих баснописцев⁷¹, и соответствующий статус естественным образом перешел к Крылову. Отныне его положение как единственного живого классика русской литературы стало совершенно бесспорным.

⁶⁵ *Драшусова-Карлгоф Е.А.* > Жизнь прожить – не поле перейти. № 10. С. 727.

⁶⁶ Россия под надзором: Отчеты III Отделения. 1827–1869 / Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М., 2006. С. 156–157.

⁶⁷ Подробнее см.: *Майофис М.* Чему способствовал пожар? «Антикризисная» российская публицистика 1837–1838 годов как предмет истории эмоций // НЛЮ. 2009. № 100. С. 156–183.

⁶⁸ Россия под надзором. С. 165.

⁶⁹ «Известно, что первая ода Ломоносова на взятие Хотина, от которой мы можем вести эру нашей словесности, относится к 1739 году» (прим. Шевырева).

⁷⁰ *Шевырев С.П.* Иван Иванович Дмитриев // Московские ведомости. 1837. 16 октября.

⁷¹ Об этом см., например: *Дрыжакова Е.Н.* Вяземский и Пушкин в споре о Крылове // Пушкин и его современники. СПб., 2009. Вып. 5 (44).

Не случайно Жуковский в приветственной речи на крыловском празднике соединит в едином пантеоне российской словесности самого юбиляра с ушедшими Дмитриевым и Пушкиным:

Выражая пред вами те чувства, которые все находящиеся здесь со мною разделяют, не могу не подумать с глубокою скорбью, что на празднике нашем недостает *двух*, которых присутствие было бы его украшением и которых потеря еще так свежа в нашем сердце. <...> Воспоминание о *Дмитриеве* и *Пушкине* само собою сливается с отечественным праздником *Крылова*⁷².

Во второй половине января 1838 г. происходит знаменательная трансформация замысла, родившегося у Карлгофов. В кружке Кукольника возникает идея вместо частного обеда по случаю дня рождения баснописца устроить публичное празднование 50-летия его литературной деятельности. Возможно, это был отклик на мысль о столетнем «юбилее русской поэзии», чуть ранее вскользь высказанную Шевыревым, причем отклик, переводящий абстрактную идею некоего общелитературного праздника в практическую плоскость.

«В начале 1838 года Крылов в разговорах как-то вспомнил, что за *пятьдесят* лет пред сим, именно в феврале 1788 года, он напечатал первую свою статью в “Почте духов”. При рассказе об этом в пиитической голове Н.В. Кукольника вспорхнула счастливая мысль юбилея ветерана русской словесности», – писал семь лет спустя Булгарин⁷³. Сейчас первой публикацией Крылова считается басня «Стыдливый игрок», опубликованная как раз в 1788 г., правда не в «Почте духов» (этого журнала еще не существовало), а в «Утренних часах», и не в феврале, а в мае. Между тем авторы всех статей о юбилее, вышедших по горячим следам, упорно умалчивали о том, какое именно произведение знаменитого баснописца было взято за точку отсчета. Очевидно, в вопросе о дате начала литературной деятельности Крылова в тот момент не было ясности.

Наряду с булгаринской версией вступления Крылова на поприще литературы имела хождение еще одна. По свидетельству Лобанова, примерно в 1836 г. он обнаружил публикацию юношеской трагедии Крылова «Филомела», которая считалась утраченной, и датировал этот текст 1786 г.⁷⁴ П.А. Плетнев в биографии Крылова, создававшейся в те самые годы, когда над своими воспоминаниями работали Булгарин и Лобанов, прямо связал это библиографическое открытие с юбилеем (спутав, впрочем, дату напечатания трагедии с датой ее написания): «Хотя еще с лишком за год перед тем совершилось пятидесятилетие со времени появления его “Филомелы” в печати, но вспомнили о том только по случаю приближавшегося дня его рождения»⁷⁵.

В итоге неуверенность организаторов ошутима даже в официальном наименовании юбилейного праздника, данного Крылову, – «день его рождения и *совершившегося* пятидесятилетия его литературной деятельности» (курсив наш. – *Е.Л., Н.С.*). Невнятность повода, однако, не помешала им воспользоваться.

Заметим, что европейская практика того времени еще не знала такого типа юбилея, как 50-летие литературной деятельности. Сама мысль интерпретировать литературное творчество как профессиональную деятельность и, соответственно, применить к нему обычай празднования профессиональных юбилеев была в высшей степени новаторской. Символический переход от домашнего формата празднования к публичному означал легитимацию всего литературного

⁷² Приветствия, говоренные Ивану Андреевичу Крылову в день его рождения и совершившегося пятидесятилетия его литературной деятельности, на обеде 2 февраля 1838 г. в зале Благородного Собрания. СПб., 1838. С. 2 (первой пагинации). Здесь и далее страницы указываются по экземпляру РГБ.

⁷³ *Ф.Б. [Булгарин Ф.В.] Воспоминания об Иване Андреевиче Крылове и беглый взгляд на характеристику его сочинений // Северная пчела. 1845. 12 января. № 9. С. 35 (курсив автора). С «Почтой духов», начавшей выходить в январе 1789 г., связывал первые шаги Крылова в литературе и С.Н. Глинка (см.: КВС. С. 191).*

⁷⁴ КВС. С. 53, 55.

⁷⁵ Там же. С. 224–225.

«сословия» как профессиональной корпорации, а самой литературы – как общественного служения.

Симптоматично, что эта идея родилась не в кругу «литературных аристократов», к которому баснописец был традиционно близок, а у литераторов «торгового», т. е. сугубо профессионального направления. В Крылове они видели в первую очередь не старого друга, не уникальную, в высшей степени сложную личность, а символическую фигуру «знаменитого русского баснописца». Общеизвестная индифферентность Крылова, его подчеркнутое дистанцирование от любой борьбы и конфликтов также были им на руку. В том, что Крылов примет предложенную ему игру, от кого бы она ни исходила, можно было не сомневаться. Куда труднее было предвидеть, что за право реализовать этот смелый замысел очень скоро разгорится нешуточная борьба.

6

Источники, освещающие ближайшую предысторию крыловского юбилея, хорошо известны: это объяснительная записка Греча на имя Л.В. Дубельта, написанная вскоре после праздника⁷⁶, его позднейший мемуарный очерк, содержащий выгодную для журналиста версию событий⁷⁷, а также цитировавшиеся воспоминания Е.А. Карлгоф. Важные сведения содержатся также в деле III Отделения «О праздновании 50-летнего юбилея баснописца Крылова обществом здешних литераторов и художников»⁷⁸. К этому следует добавить переписку организаторов юбилея, часть которой ниже впервые вводится в научный оборот.

Согласно записке Греча, мысль об устройстве в честь Крылова юбилейного торжества была впервые высказана вовсе не 7 ноября 1837 г. у Карлгофов, а 19 января следующего года «в дружеской беседе литераторов и художников у Н.В. Кукольника» (впрочем, впоследствии Греч приписывал авторство этой идеи одному себе⁷⁹). По аналогии с «докторскими» юбилеями было предложено сформировать организационный комитет, в который из завсегдаев кукольниковского кружка вошли К.П. Брюллов и сам Греч, а заочно были записаны А.Н. Оленин, В.А. Жуковский и Мих. Ю. Виельгорский. Первый, очевидно, как начальник Крылова по службе, его друг и покровитель; второй – как самая авторитетная после юбиляра фигура литературного Петербурга, человек, связанный с Крыловым многолетним знакомством и приятель; наконец, последний – как лицо того же круга, имевшее немалый вес при дворе, и вдобавок композитор-любитель. По-видимому, замысел юбилея с самого начала предполагал чествование поэта написанными на этот случай куплетами. Отсутствовавшая в чопорных юбилеях врачей, эта артистическая деталь была позаимствована от праздников в честь Брюллова и Глинки. Неясным остается вопрос о причастности к первоначальному комитету Карлгофа. Греч называет его в числе организаторов, однако в воспоминаниях Е.А. Карлгоф подчеркивается, что они с мужем узнали о том, что задуманный ими обед не состоится, лишь когда уже началась подготовка к юбилейному празднеству.

⁷⁶ [Греч Н.И.] Почему Греч и Булгарин не были на празднестве И.А. Крылова // РС. 1905. № 4. С. 201–203.

⁷⁷ Греч Н.И. Юбилей Крылова // Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 624–631.

⁷⁸ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 68. 2-я экспедиция. № 40.

⁷⁹ Важно, что из всех присутствовавших в тот вечер у Кукольника Греч обладал наибольшим опытом организации такого рода торжеств: он принимал Ф. Ансело в Петербурге в мае 1826 г. и участвовал в подготовке смирдинского новоселья. Не исключено, что он мог быть причастен и к чествованию И.-Г. Вейссе в 1833 г., поскольку преподавал в Петришуле в годы его директорства. Кроме того, он и сам побывал в роли чествуемого – по случаю его приезда в Москву в начале июня 1833 г. крупнейший московский книгопродавец и издатель А.С. Ширияев дал торжественный обед, репортаж о котором вскоре появился в «Северной пчеле» (1833. 12 июня. № 129. С. 515). Сам Греч коротко упоминает об этом обеде в письме к Булгарину от 10 июня (Письма Н.И. Греча к Ф.В. Булгарину – 2 / Подгот. текста и коммент. А.И. Рейтблата // НЛЮ. 2008. № 89. С. 103).

Первым делом «надлежало испросить соизволение начальства»⁸⁰. Высочайшее разрешение на публичное празднование юбилеев получали и медики, причем через «профильное» ведомство – Министерство внутренних дел. Какому же ведомству следовало заниматься юбилеем литератора? Непосредственное отношение к словесности имело Министерство народного просвещения, ведавшее цензурой, однако с министром С.С. Уваровым и у Кукольника, и у Греча были далеко не лучшие отношения. В то же время сознание новизны и потенциального общественного резонанса от планируемого торжества устремляло их взоры к III Отделению, тем более что с этим ведомством у членов кружка сложились тесные контакты. «Что было ближе, – замечает Греч, – как обратиться к находившемуся тут же старшему адъютанту Корпуса жандармов г. Владиславлеву, который охотно принял на себя довести о том до сведения графа А.Х. Бенкендорфа чрез начальника его штаба [Л.В. Дубельта]»⁸¹.

По-видимому, 23 января Бенкендорф доложил об этой необычной инициативе Николаю I. Во всяком случае, этим числом датирована записка, подготовленная в III Отделении:

3-го февраля текущего 1838 года совершается семидесятилетие жизни знаменитого нашего баснописца Ивана Андреевича Крылова и пятидесятилетие трудов его литературных, посвященных водворению нравственности, благих начал семейственной и гражданской жизни. В течение пятидесяти лет осчастливленный постоянным расположением монархов и всего августейшего императорского дома, осыпанный всеми знаками истинного уважения и благодарности от русской публики, знаменитый писатель испытал все роды славы, столь справедливо заслуженной; остается увенчать путь полезных трудов баснописца торжественным изъявлением общего уважения и благодарности от лица занимающихся литературою, искусствами и художествами, для которых И.А. Крылов оказал истинно полезные и важные услуги. Да позволено им будет по примеру врачей, торжествовавших юбилей маститых своих собратьев, поднести знаменитому баснописцу золотую медаль с приличными аллегорическими изображениями литературных его подвигов, надписями и портретом его; серебряную вазу с означением числа и случая и эти знаки душевного уважения и признательности литераторов и художников для большей торжественности поднести за особым обеденным столом в день рождения И.А. Крылова 3-го февраля 1838 в присутствии приглашенных важнейших государственных сановников, литераторов и художников.

Для устройства сего торжества предполагается создать комитет из действительного тайного советника А.Н. Оленина, тайного советника С.С. Уварова, графа М.Ю. Виельгорского, В.А. Жуковского, П.А. Плетнева, П.А. Вяземского, графа Ф.П. Толстого, К.П. Брюллова, М.И. Глинка (sic!), Н.И. Греча и Д.И. Языкова⁸².

Прежде всего здесь обращает на себя внимание дата намеченного торжества – 3 февраля. Несомненно, инициаторам юбилея, в особенности Гречу как автору первой библиографической заметки о баснописце⁸³, было хорошо известно, что днем рождения Крылова считается не 3, а 2 февраля. Тем не менее во всех бумагах из дела III Отделения фигурирует именно 3 февраля. Возможно, это ошибка, по недосмотру кочевавшая из документа в документ; воз-

⁸⁰ [Греч Н.И.] Почему Греч и Булгарин не были на празднестве И.А. Крылова. С. 201.

⁸¹ Там же.

⁸² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 68. 2-я экспедиция. № 40. Л. 1–2 об.

⁸³ Опыт краткой истории русской литературы. СПб., 1822. С. 302–303.

можно, дату осознанно пытались перенести⁸⁴; как бы то ни было, в итоге праздник состоялся именно 2 февраля, как планировалось еще Карлгофами.

Докладная записка отражает не только план юбилея в том виде, каким он вышел из кружка Кукольника, но и изменения, внесенные в III Отделении. По-видимому, первоначально планируемое торжество должно было иметь сугубо общественный характер; предполагалось дать Крылову обед «от лица занимающихся литературою, искусствами и художествами», в чем справедливо усматривается аналогия с «докторскими» юбилеями. Однако идея привлечения к участию в юбилейном празднестве «важнейших государственных сановников» могла возникнуть только у первых лиц III Отделения. Тем самым празднику придавалась отчетливо официальная окраска; по сути, он превращался в государственное чествование «государственного» баснописца⁸⁵.

На это указывают и изменения в составе комитета, в который были дополнительно включены лица, представлявшие профильные ведомства, а именно Уваров (министр просвещения), Толстой (вице-президент Академии художеств и известный медальер, автор работ, посвященных победам русского оружия), Языков (непременный секретарь Российской академии, в связи с тяжелой болезнью президента А.С. Шишкова взявший на себя все представительские функции). Помимо них в комитет были введены: Глинка (очевидно, как фигура, олицетворявшая национальный подъем русской музыки), Плетнев, занимавший кафедру русской словесности Санкт-Петербургского университета, и Вяземский, сочетавший с литературной известностью высокий чин и должностное положение (статский советник, вице-директор Департамента внешней торговли Министерства финансов). Вспомнив о том, что еще один член комитета, Брюллов, занимал в русской живописи то же положение, что Глинка – в музыке, констатируем: готовился не просто праздник, а триумф национального значения.

При этом бросаются в глаза признаки неопытности организаторов в подобных делах. За полторы недели до намеченного торжества они заявляют о желании по примеру врачей поднести юбиляру именную медаль и вазу, хотя не только самих этих предметов не существовало, но и сбор средств, необходимых для их изготовления, даже не начинался, и разрешение на соответствующую подписку не испрашивалось.

24 января, на следующий день после доклада императору, Бенкендорф подготовил письмо, уведомляющее Уварова о происходящем:

Милостивый государь Сергей Семенович!

Дошло до сведения государя императора, что общество здешних литераторов и художников по случаю совершения 3-го будущего февраля семидесятилетия знаменитому нашему баснописцу и пятидесятилетия литературных его трудов намеревается праздновать сей день и за особенным обеденным столом, к которому будут приглашены знатнейшие государственные сановники, поднести ему золотую медаль и серебряную вазу.

Его императорское величество, совершенно одобряя таковое изъявление уважения и благодарности сему знаменитому писателю и желая равномерно оказать ему знак всемилостивейшего своего внимания, повелел мне

⁸⁴ 2 февраля – непростительный день по случаю праздника Сретения Господня. Возможно, светское празднование в такой день первоначально показалось организаторам неуместным.

⁸⁵ О феномене «огосударствления» Крылова см.: *Лямина Е.Э., Самовер Н.В.* Беспечен как Лафонтен: заработки, доходы и жизненные стратегии И.А. Крылова // *Лотмановские чтения – XXII. Семиотика поведения и литературные стратегии.* М., 2017. С. 100–102.

сообщить вашему превосходительству, дабы вы представили его величеству о награждении г. Крылова к означенному дню орденом.

Сим, исполняя высочайшую волю, имею честь быть с совершенным почтением и преданностью <...>

*гр. Бенкендорф*⁸⁶.

К письму, видимо, была приложена приведенная выше докладная записка.

По форме вполне корректное, это уведомление на деле должно было больно задеть адресата. Бенкендорф дает понять, что именно он обладает прерогативой обсуждать с государем важные вопросы, касающиеся литераторов и литературы; самому же Уварову достается роль исполнителя высочайшего распоряжения, которое доводится до него через того же Бенкендорфа. При этом само выражение «дошло до сведения государя императора» содержит явственный намек на то, что министр народного просвещения не исполняет должным образом свои обязанности, вследствие чего о патриотической инициативе, возникшей в подведомственной ему сфере, вынужден докладывать глава III Отделения. Все эти колкости должны рассматриваться в контексте постоянного острого соперничества между Бенкендорфом и Уваровым⁸⁷.

Письмо, без сомнения, взбесило министра. Уклониться от реализации плана, уже получившего высочайшее одобрение, он не мог, однако, не пожелав смириться с отведенной ему чисто технической ролью, незамедлительно предпринял усилия для того, чтобы взять процесс подготовки юбилея под свой контроль.

Сохранив официозно-патриотический характер празднества, приданный III Отделением, Уваров по-своему изменил состав комитета. В первую очередь он мстительно вычеркнул оттуда Греча, по-видимому считая его виновником своего унижения. Далее, стремясь создать такой комитет, который за оставшуюся неделю сумеет справиться с поставленной задачей, он избавился от бесполезных, сугубо декоративных фигур и добавил тех, от кого можно было ожидать активных действий. В состав «уваровского» комитета по подготовке юбилея Крылова вошли Оленин, Виельгорский, Жуковский, Плетнев, Вяземский, Брюллов и В.Ф. Одоевский. Вместо себя Уваров ввел в комитет Карлгофа, который как раз в это время, оставив военную службу, переходил в Министерство народного просвещения и на днях должен был занять при министре место чиновника для особых поручений.

Новый состав организаторов немедленно принялся за работу, и это придало Уварову уверенности. 27 января он направляет Бенкендорфу весьма язвительное письмо:

Милостивый государь граф Александр Христофорович

На отношение вашего сиятельства от 25-го сего генваря № 285 о праздновании пятидесятилетнего литературного юбилея почтенного нашего Крылова имею честь вас, милостивый государь, уведомить, что по взятым мною справкам открывается, что мысль об этом празднестве родилась на частном обеде у полковника Карлгофа, где г. Кукольник предложил обратить этот день в торжественное собрание здешних литераторов, но что никаких распоряжений к сему не было сделано; еще менее имеется в виду серебряная ваза и золотая медаль, о которых упоминается в отношении вашего

⁸⁶ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 68. 2-я экспедиция. № 40. Л. 3–3 об. (черновое письмо к Уварову за исходящим № 285/72 датировано 24 января 1838 г.; перебеленное отношение было, очевидно, отправлено адресату на следующий день, 25 января).

⁸⁷ Эта вражда обострилась осенью 1836 г. в ходе дела о публикации Чаадаева в «Телескопе», длившегося более полугодом; подробнее см.: *Велижев М.Б.* Петр Яковлевич Чаадаев // Чаадаев П.Я. Избранные труды. М., 2010. С. 28–33. Свою роль в смене организаторов могла сыграть и еще свежая история скандального поведения литераторов круга Кукольника на обеде в честь открытия типографии А.Ф. Воейкова 6 ноября 1837 г.

сиятельства, и что, наконец, сколько я мог узнать, 3 февраля есть просто день рождения Крылова, а не пятидесятилетний его литературный юбилей.

Не желая, однако же, чтобы высокая и благодетельная мысль государя императора, изъясляющего таким образом свое особое покровительство российской словесности, могла быть оставленною без исполнения, я, с своей стороны, принимаю ныне надлежащие меры к тому, чтоб по подписке дан был обед Крылову 3-го февраля в зале Благородного собрания.

О всех сих обстоятельствах будет мною доведено до сведения его императорского величества. Считаю между тем долгом предупредить о сем и ваше сиятельство⁸⁸.

Отныне, подчеркивает Уваров, он будет действовать самостоятельно, не нуждаясь в посреднике в лице шефа жандармов.

К этому моменту была окончательно сформирована и официозная концепция юбилея Крылова как торжественной демонстрации «особого покровительства российской словесности», оказываемого верховной властью. Ответ этого «особого покровительства», что немало важно, падал и на самого Уварова как министра просвещения.

До намеченного праздника оставались считанные дни. О том, какую деятельность развил в это время комитет, вспоминала Е.А. Карлгоф:

Господа эти каждый день собирались у Оленина; князь Одоевский и мой муж приняли на себя все хлопоты и находились целые дни в разъездах. Я принимала живое участие во всех этих приготовлениях, помогала уговариваться с поваром, с кондитером, сообща сочиняли меню обеда. Разумеется, была стерляжья уха под именем Демьяновой Ухи и все, что можно было придумать тонкого, роскошного и вместе соответствующего гастрономическим вкусам Крылова⁸⁹.

Из сохранившейся переписки и других бумаг членов комитета⁹⁰ следует, что они распределили между собой сферы ответственности. Так, Оленин принял на себя составление общего сценария торжества; в его доме происходили совещания комитета и обсуждались тексты будущих речей. Одоевский договаривался с капельмейстером Гвардейского корпуса Ф. Гаазе об исполнении военными музыкантами отрывков, подобранных для праздника, занимался поиском нот и отвечал за печатание необходимых материалов в Гуттенберговой типографии, содержанием которой был его свояк Б.А. Враский. Вяземский и Виельгорский сочиняли приветственную кантату – первый слова, а второй музыку. Брюллов нарисовал виньетку для меню, которую еще необходимо было награвировать. Судя по всему, комитет не испытывал денежных затруднений. «Что до расходов – мы не скупимся», – заверял Одоевский Гаазе 1 февраля, настаивая на репетиции кантаты в самый день праздника⁹¹. В режиме цейтнота не приходилось надеяться на покрытие всех издержек из средств, получаемых от подписки на праздник; в связи с этим можно предположить, что некоторую экстренную сумму комитет получил от Уварова и распорядился ею Карлгоф как чиновник особых поручений при министре.

⁸⁸ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 68. 2-я экспедиция. № 40. Л. 4–4 об.

⁸⁹ *Драшусова-Карлгоф Е.А.* Жизнь прожить – не поле перейти. № 10. С. 727.

⁹⁰ См. письма к Одоевскому: Оленина (ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 2. № 830), Карлгофа (Там же. № 570), Вяземского (Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1895 год. СПб., 1898. С. 86). Промежуточные варианты «Порядка празднества в честь пятидесятилетних трудов Ивана Андреевича Крылова на поприще русской словесности» – ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. № 5. Л. 7–12.

⁹¹ ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 2. № 116. Л. 1–1 об. (оригинал по-французски).

При этом важнейшей задачей членов комитета было распространение билетов. Этим занимались в особенности Одоевский⁹² и Жуковский. «Билет на праздник стоил, помнится мне, 30 рублей ассигнациями⁹³, но желавших было так много, что невозможно было всех удовлетворить. Число билетов было ограничено и предоставлено преимущественно литераторам и артистам», – писала Е.А. Карлгоф⁹⁴.

Истинные же авторы идеи юбилея в это время пребывали в полной растерянности. По словам Греча, после того как Кукольник узнал (очевидно, от знакомых в III Отделении), что их инициатива одобрена государем, они со дня на день ожидали соответствующего официального уведомления, но вместо этого обнаружили, что их замысел присвоен Уваровым, а подготовкой юбилея Крылова уже занимаются совсем другие люди.

7

По словам Е.А. Карлгоф, организовать крыловский юбилей «успели в четыре дня»⁹⁵; при этом спешка заставила многое делать «на живую нитку» в отличие от тщательно подготовленных праздников в честь медиков. Так, вместо неторопливого сбора средств по подписке в разных городах, который позволил бы аккумулировать значительную сумму⁹⁶, подписные листы были «разосланы ко всем литераторам, находящимся в Петербурге», лишь за несколько дней до праздника, одновременно с раздачей билетов⁹⁷. Разумеется, ни изготовить драгоценную вазу в подарок юбиляру, ни отчеканить памятную медаль, которую можно было бы вручить Крылову в ходе праздника, было уже невозможно.

В то же время юбилей Крылова разительно отличался от предшествующих праздников такого рода тем, что организаторы успели составить и ко дню праздника напечатать брошюру – «Приветствия, говоренные Ивану Андреевичу Крылову в день его рождения и совершившегося пятидесятилетия его литературной деятельности, на обеде 2 февраля 1838 г. в зале Благородного Собрания». Само по себе издание подобных книжечек практиковалось, но обычно они выходили *post factum* и содержали описание уже состоявшихся праздников. Брошюра же, посвященная юбилею Крылова, получила цензурное разрешение непосредственно в день торжества; таким образом, включенные в нее полные тексты приветствий были пропущены в печать еще до произнесения⁹⁸. Именно эти тексты без каких-либо изменений использовались во всех появившихся в печати описаниях праздника.

Гости, прибывавшие на юбилей, по-видимому, получали по экземпляру этой брошюры, где, помимо текстов основных речей и тостов, содержался общий сценарий празднования, а также перечень музыкальных произведений⁹⁹, которые должны были его сопровождать. В этом

⁹² См. письма к нему с благодарностью за билеты от С.А. Кокошкина, петербургского обер-полицеймейстера, от высокопоставленных чиновников А.Г. Политковского и Н.М. Смирнова (Там же. № 607, 884, 999).

⁹³ Греч был готов заплатить за билет 50 рублей (см.: [Греч Н.И.] Почему Греч и Булгарин не были на празднестве И.А. Крылова. С. 202).

⁹⁴ *Драшусова-Карлгоф Е.А.* > Жизнь прожить – не поле перейти. № 10. С. 727–728.

⁹⁵ *Карлгоф Е.А.* > Крылов // Звездочка. 1844. Ч. 9. № 1. С. 52.

⁹⁶ Так, по подписке к юбилею П.А. Загорского русскими медиками было собрано более 28 тыс. руб. Этой суммы хватило не только на организацию праздника, подарок юбиляру и памятные медали, включая одну золотую, но и на учреждение именной премии, финансирование издания научного труда, посвященного Загорскому, и на вклад во «вдовый» капитал. См.: Пятидесятилетие заслуженного профессора... С. 5.

⁹⁷ Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1838. 12 февраля. № 7. С. 140.

⁹⁸ Примечательно, что текст речи Жуковского, приведенный в этой брошюре, содержит скорбное напоминание о смерти Пушкина. Это опровергает восходящую к мемуарам Греча версию о конфликте Жуковского с Уваровым, якобы вызванном попыткой министра изъять упоминание о Пушкине из газетных публикаций, последовавших за юбилеем (см.: Греч Н.И. Юбилей Крылова // Греч Н.И. Записки о моей жизни. С. 629).

⁹⁹ Судя по тому, что каждый текст в брошюре имеет особую пагинацию, они печатались буквально «с колес», немедленно по поступлении в типографию (см. помету «Набирать поскорее» на автографе стихотворения Вяземского «На радость полу-

можно заметить влияние традиции «летучих» листков, предназначенных для участников театрализованных увеселений¹⁰⁰; не случайно Оленин в шутку называл брошюру «нашим libretto» и «крыловой тетрадкой»¹⁰¹. Уникальной особенностью этого издания, отличающей его от брошюр с описаниями других юбилеев тех лет, стало отсутствие в нем биографии Крылова. При этом участники обеда находили у своих приборов изящно оформленное меню с виньеткой, включающей портрет баснописца в окружении животных и птиц – персонажей его произведений¹⁰². Такое замещение выглядит курьезным, однако в нем нашел отражение существенный аспект восприятия Крылова современниками, для которых легендарный аппетит баснописца был не менее важен, чем его творчество. При этом перечень обычных для банкетов блюд французской кухни открывался «литературными» русскими кушаньями, шутливо названными «Демьянова уха» и «Крыловская кулебяка и пирожки».

«Крыловский колорит» был придан даже музыкальному сопровождению обеда. Наряду с музыкой Моцарта, Бетховена, Глинки и других композиторов прозвучал хор из оперы К.А. Кавоса «Илья Богатырь» на стихи самого юбиляра (1806), в свое время признанный одним из самых удачных воплощений патриотической темы в русском музыкальном театре¹⁰³.

вековую...» – ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 2. № 1490. Л. 1), а некоторые даже приходилось срочно перепечатывать (Там же. № 830. Л. 2). Брошюровка также производилась в спешке. Вследствие этого расположение текстов в двух известных нам экземплярах брошюры (Музея книги РГБ и РНБ) разнится.

¹⁰⁰ См., например: *Vers, chantés et récités. Saint-Petersbourg: Typographie de Pluchart, 1830.* Эта брошюра раздавалась гостям костюмированного бала в Аничковом дворце 4 января 1830 г.

¹⁰¹ ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 2. № 830. Л. 2, 4.

¹⁰² Такое меню приплетено к двум указанным экземплярам брошюры.

¹⁰³ Замечания о подборе музыкальных отрывков, их соответствии вкусам Крылова и исполнении см.: *Ямпольский И.* Крылов и музыка. 1769–1869. М., 1970. С. 44–47.

Давынова уха,
Супъ жулиень,
Крыловская кулебяка и пирожки.
Маюнезь изъ дичи,
Ростбифъ,
Форель подъ шампиніонами,
Рябиковыя филеи на трюффель,
Спаржа,
Жаркое — пулярды и рябики.
Салатъ,
Мясе изъ Vin de Cap,
Десертъ.

К пяти часам вечера 2 февраля в парадной зале дома Энгельгардта на Невском проспекте собралось около 300 человек¹⁰⁴, в большинстве своем – литераторы и светские любители словесности. Тем не менее формально общественный праздник, устроителями которого выступила группа частных лиц во главе с Олениным, по сути приобрел официозный характер: об этом говорит и рекомендация чиновникам, включая самого юбиляра, явиться в вицмундирах¹⁰⁵, и то, что неразбериха, в результате которой отдельные влиятельные лица, включая А.Ф. Орлова, не получили билетов, стала причиной нервного разбирательства внутри группы организаторов¹⁰⁶.

Весьма необычным для подобных праздников оказалось присутствие дам. «Я была на хорах, где находились еще несколько дам и между ними графиня Уварова, княгиня Одоевская, княгиня Вяземская. Нас очень хорошо угощали, приносили бокалы с шампанским»¹⁰⁷, – вспоминала Е.А. Карлгоф. По-видимому, приглашения на крыловский праздник удостоились весьма немногие дамы – прежде всего жены самих организаторов. Они не пользовались, подобно гостям-мужчинам, купившим билеты, правом сидеть за общим столом, однако не были и просто сторонними наблюдательницами любопытного зрелища. Им, по-видимому, отводилась особая роль в сценарии торжества – они представляли от имени широкой читающей публики и в особенности матерей, заботящихся о воспитании своих детей.

В соответствии с церемониалом, выработанным для «докторских» юбилеев, юбиляра с почетом доставили на праздник два члена организационного комитета: Плетнев и Карлгоф. «В пять часов прибыл г. министр народного просвещения, в кругу всех посетителей прочитал <...> высочайшую грамоту на пожалование Ивана Андреевича кавалером ордена Святого Станислава 2-й степени¹⁰⁸ и возложил на него знаки сего ордена», – сообщала «Северная пчела». Предшествующий юбилей лейб-медика Рюля также сопровождался пожалованием юбиляру ордена (Белого орла), однако благоволение к Крылову было подчеркнуто тем, что награждение сопровождалось рескриптом. Орденскую звезду и крест возложил на него лично министр на глазах у всех собравшихся, что представляло собой чрезвычайную редкость. Уварову, скорее всего, принадлежала и формулировка рескрипта: за «отличные успехи, коими сопровождалась ваши долговременные труды на поприще отечественной словесности, и благородное, истинно русское чувство, которое всегда выражалось в произведениях ваших, сделавшихся народными в России»¹⁰⁹.

Концепция крыловского юбилея, возникнув как подражание практике чествований выдающихся медиков, вскоре обогатилась философско-эстетическим содержанием благодаря высказанной Шевыревым идее празднования столетия самой русской поэзии. В итоге обед в честь 50-летия литературной деятельности баснописца получил значение общелитературного торжества, которое Жуковский не случайно назвал «праздником национальным». «Когда бы можно было пригласить на него всю Россию, она приняла бы в нем участие с тем самым чув-

¹⁰⁴ Северная пчела. 1838. 8 февраля. № 32. С. 125 (по другим сведениям – «более 200»; см.: Русский инвалид. 1838. 4 февраля. № 31. С. 122; Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1838. 5 февраля. № 6. С. 113). Видимо, в это число включены только гости-мужчины, заплатившие за билеты и находившиеся за столами.

¹⁰⁵ См. письмо Оленина Крылову (1 февраля 1838 г.) от имени организаторов юбилея с сообщением о предстоящем празднике: Материалы для биографии Крылова... В.Ф. Кеневича // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности. Т. 6. СПб., 1869. С. 308 (далее в сносках – *Кеневич*).

¹⁰⁶ Переписку Оленина и Жуковского об этом (9 февраля 1838 г.) см.: *Голубева О.Д.* И.А. Крылов. СПб., 1997. С. 103–104.

¹⁰⁷ *Драшусова-Карлгоф Е.А.* Жизнь прожить – не поле перейти. 1881. № 10. С. 729.

¹⁰⁸ Согласно статуту ордена Св. Станислава (1829), им награждались, в частности, такие заслуги, как «сочинение и обнародование творений, признанных общепользовными».

¹⁰⁹ Цит. по: Северная пчела. 1838. 8 февраля. № 32. С. 125. В официальном органе министерства (Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 17. 1838. № 3. Отд. Высочайшие повеления. С. XLI–XLII) текст рескрипта приведен с незначительными отличиями от газетной публикации.

ством, которое всех нас в эту минуту оживляет, и Вы от нас немногих услышите голос всех своих современников» – в этих его словах, обращенных к юбиляру, нация – простая совокупность ныне живущих россиян. Однако в финале речи Жуковского она предстает уже как вневременная общность, для которой крыловские «поэтические уроки мудрости» «никогда не потеряют <...> своей силы и свежести, ибо они обратились в народные пословицы, а народные пословицы живут с народами и их переживают»¹¹⁰.

Публичное чествование Крылова не только стало событием для литературной корпорации, но впервые в России подняло писателя до уровня государственного или военного деятеля. Об этом говорило присутствие в числе гостей, кроме министра просвещения, председателя Государственного совета, военного министра, министра финансов, министра внутренних дел, министра государственных имуществ, главы III Отделения, предводителя дворянства Санкт-Петербургской губернии, многих высокопоставленных придворных и военных, включая генералов-литераторов Д.В. Давыдова, И.Н. Скобелева, А.И. Михайловского-Данилевского и даже престарелого президента Российской академии адмирала А.С. Шишкова¹¹¹. Сын одного из организаторов праздника И.М. Виельгорский, воспитанный при дворе, отметил: «Крылова принимали как Государя. Все перед ним расступалось. Каждый подходил к нему с приветствием, многие ему представлялись, и каждый был рад быть в эту минуту с ним знакомым»¹¹².

Однако мимо внимания большинства присутствующих прошел короткий, но исключительно значимый эпизод, который последовал непосредственно за вручением ордена. Свидетелем его стал Плетнев: «Украшив звездою грудь поэта, министр пригласил его в особенную залу, куда их императорские высочества великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич изволили прибыть для поздравления Крылова»¹¹³. Младшие сыновья императора, шести и пяти лет от роду, несомненно, посетили юбилей Крылова, исполняя волю отца. Свои поздравления юбиляру они принесли в качестве августейших представителей детской читательской аудитории России. К сожалению, неизвестно, в чем состояло собственно поздравление; возможно, мальчики продекламировали перед автором отрывки из его басен. Это объясняло бы приватный характер всей сцены: поздравление было вынесено в отдельную комнату, чтобы не смущать детей присутствием множества посторонних. В результате посещение маленькими великими князьями юбилея Крылова не отразилось ни в одном печатном описании и не попало ни в одни известные на сегодня воспоминания участников торжества, за исключением очерка Плетнева, опубликованного только в 1847 г. Характерно, что Плетнев умолчал об этом эпизоде даже в своей статье «Праздник в честь Крылова», вышедшей по горячим следам события¹¹⁴. Очевидно, это объяснялось негласным запретом на упоминание в печати малолетних членов императорской фамилии.

«Я был тронут до слез; праздник чудесный и весьма примечательный», – продолжал свое описание Виельгорский, вслед за своим соседом по столу В.Ф. Ленцем называя происходящее «*первым публичным обедом в Петербурге*»¹¹⁵. Ленц, недавно вернувшийся из поездки по Европе, за обедом рассказывал о «public dinners in London»¹¹⁶. На это сравнение его, по-

¹¹⁰ Приветствия, говоренные Ивану Андреевичу Крылову. С. 1–3 (1-й пагинации).

¹¹¹ «Знаменитый старец А.С. Шишков блеснул на минуту в этом собрании и приветствовал знаменитого баснописца с высокомонаршею милостью» (Русский инвалид. 1838. 4 февраля. № 31. С. 123). Упоминание Шишкова наряду с Давыдовым, Скобелевым и Михайловским-Данилевским на страницах военной газеты «Русский инвалид» не случайно. Тем самым в описании праздника подчеркивалась патриотическая тема Отечественной войны, с которой были связаны известнейшие басни юбиляра.

¹¹² Цит. по: *Лямина Е.Э., Самовер Н.В.* «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. Опыт биографии чело- века 1830-х годов. М., 1999. С. 242–243.

¹¹³ *Плетнев П.А.* Жизнь и сочинения И.А. Крылова. СПб., 1847. С. LXXVII.

¹¹⁴ Современник. 1838. Т. 9. С. 57–70.

¹¹⁵ *Лямина Е.Э., Самовер Н.В.* «Бедный Жозеф». С. 243 (выделено И.М. Виельгорским).

¹¹⁶ Там же.

видимому, натолкнули и сам характер праздника как чествования выдающегося соотечественника, и факт продажи билетов (как это было принято для британских public dinners, чаще всего имевших благотворительную цель), и, наконец, присутствие дам¹¹⁷. Впрочем, официальный характер крыловского юбилея не позволяет полностью уподобить его public dinner. В то же время деятельное участие в его подготовке А.Н. Оленина придало ему отдельные артистические элементы. Так, можно отметить сходство в деталях между этим праздником и чествованием Брюллова в Академии художеств, также организованным Олениным (в данном случае – по должности президента Академии). В академической зале обеденный стол был накрыт напротив знаменитой картины Брюллова, а на крыловском празднике ту же символическую роль исполняли книги: «Против Крылова на возвышении, среди зелени, стоял бюст его¹¹⁸, а ниже, на столе, покрытом красным сукном, лежали все его сочинения, роскошно переплетенные и обвитые цветами и лаврами»¹¹⁹.

Самым эффектным атрибутом праздника стал лавровый венок, в тот вечер заменивший собой ценный подарок юбиляру. «Сказали Крылову, что дамы желают пить его здоровье, он вышел на середину зала; мы все встали, от души его приветствовали и бросили лавровый венок» – так запечатлелась эта театральная мизансцена в памяти Е.А. Карлгоф¹²⁰. «Он с чувством благодарил дам за их трогательное внимание к нему», – дополняет ее рассказ П.А. Плетнев¹²¹. Этот венок был не единственным на крыловском празднике. Карлгоф, очевидно по следам своих дневниковых записей, отмечает, что лавровым венком был увенчан мраморный бюст Крылова, а на его сочинениях лежал еще один венок¹²².

¹¹⁷ Сатирическое изображение такого благотворительного обеда см. в раннем очерке Ч. Диккенса «Public dinners» («Банкеты»), впервые опубликованном в 1835 г. и вошедшем в его популярный сборник «Очерки Боза» (1836). Аналогичная форма «обеда по подписке» использовалась в Великобритании и для общественных чествований отдельных лиц, причем наряду с термином «public dinner» встречалось также французское слово «banquet».

¹¹⁸ Антикизированный бюст баснописца был создан С.И. Гальбергом, членом дружеского кружка Оленина, очевидно по заказу последнего, в 1830 г. Характерно, что Оленин, близко знакомый со всеми ведущими писателями своего времени, остановил свой выбор именно на Крылове. Решенная в виде классической гермы, такая скульптура, несомненно, должна была соотноситься в сознании современников с изваяниями античных авторов. Одна из копий этого бюста была на Новый 1831 г. подарена Николаем I двенадцатилетнему наследнику престола, по-видимому в паре к преподнесенному двумя годами ранее бюсту Петра I (см. об этом: Северная пчела. 1831. 5 мая. № 98. Л. 1 об.). Еще один экземпляр был в 1838 г. вместе с бюстами И.И. Дмитриева и Пушкина приобретен для Публичной библиотеки, где Крылов в то время продолжал служить, – случай беспрецедентный в истории русской литературы (ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 2. 1838 г. № 1125).

¹¹⁹ КВС. С. 85. Ср. с описанием Плетнева: «Помещение гостей так было устроено, что они отовсюду могли видеть общего любимца. Против него, на другой стороне залы, поставлен был стол, прекрасно освещенный и убранный цветами, где стоял в лавровом венке бюст его и лежали разные издания всех сочинений Крылова, какие только могли собрать тогда» (КВС. С. 225–226). Подробнее об изданиях, представленных на этой «выставке», см. в упомянутой статье Л.А. Тимофеевой.

¹²⁰ «Драшусова-Карлгоф Е.А.» Жизнь прожить – не поле перейти. № 10. С. 729.

¹²¹ КВС. С. 229.

¹²² «Драшусова-Карлгоф Е.А.» Жизнь прожить – не поле перейти. № 10. С. 728.

С.И. Гальберг. Бюст И.А. Крылова. 1830. © Русский музей, Санкт-Петербург

В европейской культуре того времени за лаврами закрепились две символические функции: они обозначали либо военный триумф, либо высшую степень общественного признания поэта или художника. По-видимому, обе эти функции пытались актуализировать литераторы круга «Беседы любителей русского слова», когда 23 сентября 1815 г., после премьеры комедии А.А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды», на вечере в доме петербург-

ского гражданского губернатора М.М. Бакунина с преувеличенным энтузиазмом возложили на голову драматурга лавровый венок. В несколько курьезной роли Музы или Славы, награждающей победителя, выступила уже немолодая хозяйка дома. Как известно, это из ряда вон выходящее событие вызвало острую реакцию противоположного литературного лагеря и стало отправной точкой для создания общества «Арзамас»¹²³. В течение следующих двух десятилетий, несмотря на широкое распространение изображений лавров в качестве декоративных и аллегорических деталей, ничего подобного не происходило.

Тем более значимо появление венков на юбилее Крылова. Сценарий праздника, несомненно согласованный с Уваровым, не предполагал ни торжественного поднесения баснописцу венка, ни тем более увенчания его лаврами; в присутствии высших государственных сановников, на фоне награждения орденом и милостивым рескриптом это выглядело бы двусмысленно. Вероятно, поэтому столь важный символический акт организаторы передоверили дамам, таким образом формально вынеся его за рамки сценария. Несмотря на искусственную «случайность» этого жеста, лавровый венок, без сомнения, был воспринят всеми присутствующими как знак «классического» достоинства юбиляра. Именно на это указывает Лобанов:

Трогательно было смотреть на него, когда он, по окончании обеда, в другой зале сидел за маленьким столом и в одной руке держал свою любимицу – сигару, а другую рукою скромно накрыл свой лавровый венок. Молодые литераторы окружали седого, маститого, увенчанного славою писателя и начали просить, чтобы он каждому из них дал на память по листочку из его лаврового венка. Крылов с радушною улыбкою начал обрывать свой венок и раздавать листки просителям¹²⁴.

Символичность ситуации: патриарх литературы, принимая знак высшего поэтического отличия, благословляет идущих ему на смену и приобщает их к своей славе, уже ставшей народной, – привлекла внимание младшего литературного поколения. 26-летний Е.П. Гребенка, к этому времени уже известный стихотворными баснями («Малороссийскими присказками»), писал на следующий день после торжества:

Все мы шумно пировали
На волшебном пире том
И поэта увенчали
Свежим лавровым венком. <...>
Мы смотрели с умилением
На поэта-старика;
Жрец прекрасный вдохновенья,
Он нам дал благословенье:
Лист лавровый от венка. <...>
А о празднике народном,
Бескорыстном, благородном
Поздним внукам расскажу,
И листок венка Крылова
Для потомка молодова

¹²³ Об этом см.: Вацуро В.Э. Бунина или Бакунина? // Вацуро В.Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 71–75.

¹²⁴ КВС. С. 88. Ср. благодарственную записку В.И. Григоровича от 3 февраля 1838 г.: «<...> если бы вы видели радость, изображавшуюся на лицах детей моих, когда я вручил им на память лавровые листочки, быть может, неловко у вас выпрошенные» (*Кеневич*. С. 310). Как бесценный дар принял такой листок из рук кого-то из участников праздника провинциал И.И. Лажечников (Там же. С. 311). Еще несколько листков баснописец впоследствии отправил по почте тем своим знакомым, кто выразил желание их иметь, – в частности бывшему сослуживцу по Публичной библиотеке М.Н. Загоскину в Москву (Там же).

Как святыню покажу¹²⁵.

Собственно в рамках праздника представительство от лица «младших делателей» на литературном поприще было доверено 34-летнему князю В.Ф. Одоевскому, который произнес приветственную речь, и 30-летнему В.Г. Бенедиктову, сочинившему стихотворение «Пир 2 февраля 1838 г.»:

Не сожмут сердец морозы:
В нас горят к нему сердца.
Он пред нами – сыпьте, розы,
Лейтесь, радостные слезы,
На листы его венца!¹²⁶

Эти стихи прочел вслух один из самых высокопоставленных гостей – министр внутренних дел граф Д.Н. Блудов, сам известный литератор, товарищ Крылова по Российской академии. Выбор Бенедиктова в качестве автора главного поэтического поздравления объяснялся никак не недостатком поэтов среди друзей Крылова¹²⁷. Вероятнее всего, он был привлечен к подготовке юбилея своим покровителем Карлгофом в качестве яркой фигуры нового просвещенного поколения, воспитанного на идеологии николаевской народности, одним из эстетических столпов которой официально было признано творчество Крылова. Свою роль здесь могли сыграть неаристократическое происхождение Бенедиктова и та громкая литературная известность, которую он приобрел у формирующихся слоев активно читающей, но не слишком разборчивой публики. В этом можно усмотреть влияние воли Уварова как человека, определявшего и контролировавшего идеологическое содержание праздника.

Истинной кульминацией торжества стало исполнение лучшим басом императорской сцены О.А. Петровым приветственной кантаты «На радость полувековую...». И.М. Виельгорский, сын композитора, отметил в своем дневнике необычайный эффект, произведенный этими «куплетами»: «Когда приходило “Здравствуй, дедушка Крылов”, громкие восклицания, ура, шум ножей, рукоплескания приветствовали знаменитого баснописца. Куплеты заставили повторить четыре раза»¹²⁸.

«Обед кончился, но никому не хотелось уехать, все желали как можно долее продлить радостный день, и долго еще толпились гости в залах Благородного собрания, – вспоминала Е.А. Карлгоф. – Стихи Вяземского имели успех необыкновенный, и когда мы садились в карету, то слышали, как на улице пели:

Здравствуй с милою женою,
Здравствуй, дедушка Крылов!»¹²⁹

Глубина постижения Крыловым русского национального характера и колоссальное воспитательное значение его творчества подчеркивались не только в стихах Вяземского, но и во всех произнесенных на юбилее речах. Однако Вяземский сумел подарить баснописцу, по сути,

¹²⁵ С датой «3 февраля 1838» и под заглавием «Лавровый листок» это стихотворение было напечатано: Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1838. 12 февраля. № 7. С. 126.

¹²⁶ Приветствия, говоренные Ивану Андреевичу Крылову. С. 2 (4-й пагинации).

¹²⁷ «На радость полувековую...» Вяземского на празднике выступало не в качестве стихотворения, а в качестве текста кантаты и воспринималось в рамках другого жанра.

¹²⁸ Цит. по: *Лямина Е.Э., Самовер Н.В.* Бедный Жозеф. С. 243. Если «куплеты» были четырежды повторены в полном объеме, то рефрен «Здравствуй, дедушка Крылов!» прозвучал в общей сложности 24 раза.

¹²⁹ *Драшусова-Карлгоф Е.А.* Жизнь прожить – не поле перейти. № 10. С. 729.

второе имя – «дедушка Крылов», закрепившееся за ним, видимо, навечно. В его стихах впервые были обозначены контуры того идеологического конструкта, который в дальнейшем будет неразрывно связан с именем Крылова.

Отчасти величание баснописца «дедушкой» может быть объяснено тем, что его возраст по стечению обстоятельств оказался включен в смысловое поле юбилейного праздника. Подобному восприятию Крылова способствовала исключительная стабильность его внешнего облика, который сложился еще в начале XIX столетия¹³⁰ и в основных чертах оставался неизменным на протяжении без малого полувека. В глазах современников Крылов еще при жизни превратился в подобие живого монумента, «громодно-сплоченную твердыню»¹³¹, как бы изъятую из течения времени, в обломок некоего давно минувшего «золотого века». Недаром Жуковский, описывая его внешность, употребляет слово «старинный», а М.П. Погодин, словно забывая о реальной биографии баснописца, называет его «почти ровесником» русской литературы¹³².

Неудивительно поэтому, что для осмысления литературного юбилея Вяземский прибегает именно к метафоре золотой свадьбы¹³³ – 50-летнего союза поэта и музыки. Литераторы и любители словесности, собравшиеся на это семейное торжество, именуется «сватьями»¹³⁴. Нарекая Крылова «дедушкой» от имени участников праздника, а затем расширяя понятие «мы» до всех носителей русского языка и утверждая, что вслед за современниками и внуки «затвердят» его басни, Вяземский достраивает этот образ до архетипической полновесности. Таким образом он выводит его далеко за пределы литературы, где «дедушка» – всего лишь традиционная маска умудренного опытом рассказчика или наставника¹³⁵, в пространство метафизики национального. Народность творчества юбиляра подчеркивается с помощью атрибутов патриархальной семейственности: «Изба его детьми богата <...> И дети – славные ребята». Тем самым Вяземский объединяет всех русских в одну семью, для которой Крылов является родоначальником.

В конструкте «дедушка Крылов» акцентирована функция пращура как хранителя принципов и устоев рода, исходной и в то же время финальной фигуры традиционного социума. Интерпретируемый таким образом, образ «дедушки» придавал завершенность политической

¹³⁰ Сравнение рисунков О.А. Кипренского конца 1800-х – 1810-х годов, изображающих Крылова в непринужденной атмосфере дома Олениных, с парадным портретом баснописца работы К.П. Брюллова конца 1830-х гг. свидетельствует о том, что самым заметным изменением в его внешности за два с лишним десятилетия стала седина.

¹³¹ Поздняя (1876) приписка Вяземского к его статье «Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева» цит. по: КВС. С. 176. Ср. там же риторический вопрос: «Бывал ли он когда-нибудь молод?»

¹³² См.: *Киреевский И.В.* Полн. собр. соч. М., 1861. Т. 1. С. 25 (отзыв Жуковского о Крылове в передаче Киреевского); КВС. С. 246.

¹³³ Любопытно, что в 1825 г. Булгарин в заметке, посвященной юбилеям Гёте и врача и антрополога И.-Ф. Blumenбаха, пишет, что оба праздновали «так называемую в Германии *золотую свадьбу* ученой славы», переводя таким образом слово «Jubiläum» (Северная пчела. 1825. 1 декабря. № 144. Л. 1).

¹³⁴ «Родители молодых и их родственники друг друга взаимно зовут “сватами”, “сватьями”» (В.И. Даль). Текст стихотворения Вяземского приводится по первой публикации – в брошюре «Приветствия, говоренные Ивану Андреевичу Крылову».

¹³⁵ См., например, переводы Жуковского из Гебеля («Овсяный кисель», «Тленность» – 1816) и «Разговоры старца с юною девицею» А.С. Шишкова (1835). По басням Крылова и вовсе нельзя судить о возрасте рассказчика – ясно только, что это человек, обладающий жизненным опытом. Возникновение образа «дедушки» связано не только с возрастом юбиляра, но и, возможно, с памятным Вяземскому персонажем пародийного «арзамасского» пантеона – Седым Дедом. В этом прозвище А.С. Шишкова, восходящем к сатире К.Н. Батюшкова и А.Е. Измайлова «Певец в Беседе любителей русского слова» (1813), через патриархально-семейную метафору подчеркивалась консервативная идеологическая основа «Беседы». О других персонажах отечественной культуры, прозванных «дедушками» в XIX – первой половине XX в., и их функциях см.: *Леонтьева Л.Г., Лурье М.Л., Сенькина А.А.* «Два великих дедушки» // «От... и до...»: юбилейный альманах в честь Е.В. Душечкиной и А.Ф. Белоусова. СПб., 2006. К их числу следует добавить «дедушку Дурова» (знаменитого дрессировщика, создателя Театра зверей В.Л. Дурова) и «дедушку Калинина» – «всесоюзного старосту» М.И. Калинина, носившего такое прозвище последним. Подобное обращение к нему в довоенный период встречается исключительно в письмах и речи советских детей. Употребление этого прозвища взрослыми в последующее время носило уже иронический характер, подчеркивая роль Калинина как адресата многочисленных и чаще всего безответных просьб простых граждан.

модели патриархального самодержавия, построенной на отношениях «государь – отец, подданные – дети». «Дедушка Крылов» возник вследствие уже упомянутого процесса «огосударствления» реальной личности баснописца, т. е. обретения культурой Николаевской эпохи вещественного символа искомой народности, понимаемой как укорененность современной культуры в толще времен¹³⁶.

8

Многое в церемониале сближало крыловское торжество с праздниками в честь заслуженных врачей, а великолепия и официального почета на нем было гораздо больше, однако в глаза бросается существенное отличие: Крылов на собственном юбилее молчал. Растроганный, он прослезился, но ни словом не ответил на обращенные к нему дифирамбы¹³⁷, а после в частных разговорах в свойственном ему стиле иронизировал, жалуясь, что не смог как следует поеть, потому что «все время кланяться и благодарить приходилось»¹³⁸.

Благодаря тому, что в 1836 г. Крылов присутствовал на празднике в честь доктора Загорского, он имел представление о том, как проходят подобные торжества. В том же году он наблюдал и чествование Брюллова в Академии художеств. Очевидно, баснописец предполагал, что и в его случае состоится чисто корпоративное торжество, однако появление утром 2 февраля письма от Греча заставило его забеспокоиться. Поздравляя его, Греч извинялся, что по болезни не сможет присутствовать на «обеде, который дают вам ваши благодарные читатели»¹³⁹. Из этого следовало, что праздник будет иметь более широкий общественный характер. Беспокойство баснописца должно было усилиться после визита Булгарина, который счел нужным сообщить ему, что организаторы юбилея оскорбили Греча, отняв его идею, и поэтому оба они, не желая терпеть унижение, вынуждены отказаться от участия в празднике¹⁴⁰. Осознание того, что через несколько часов ему неизбежно предстоит стать центром весьма необычного культурного события с заведомо скандальным оттенком, Крылова отнюдь не обрадовало. Плетневу запомнились слова юбиляра, обращенные к нему и Карлгофу в момент торжественного отбытия на праздник в дом Энгельгардта: «Знаете что <...> я не умею сказать, как благодарен за все моим друзьям, и, конечно, мне еще веселее их быть сегодня вместе с ними, боюсь только, не придумали бы вы чего лишнего: ведь я то же, что иной моряк, с которым оттого только и беды не случалось, что он не хаживал далеко в море»¹⁴¹.

Его опасения подтвердились, едва он вошел в обеденную залу. Беспрецедентное собрание практически всех государственных сановников уподобило происходящее придворной церемонии, центром которой мог являться только государь; появление лаврового венка придало всему действу дополнительный оттенок сходства с коронацией. Явное насыщение литературного юбилея политической образностью, возникшее вследствие огосударствленности «знаменитого русского баснописца», поставило самого виновника торжества в весьма неудобное положение и, по сути, лишило его возможности говорить. Перед подобным собранием он не

¹³⁶ Отметим, что сочетание «дедушка Крылов», в котором фигурирует фамилия, отличается от принятых в народном обиходе наименований старших: «дедушка Егор», «дедушка Трофимыч», «дед Ильяха» и т. п. Фамилия выступает в качестве маркера другого типа культуры, для которой Крылов – поэт и фигура национального масштаба. Таким образом, созданный Вяземским конструкт удачно синтезирует элементы народной и высокой культуры.

¹³⁷ Ср. ответную речь И.Ф. Рюля на его собственном юбилее: «<...> выражение его благодарности было сильно: казалось, что почтенный старец хотел вдруг высказать все, что чувствовало благородное его сердце. Нельзя забыть, чем он кончил свою речь. “Желаю, – сказал он, – чтобы Всевышний судил каждому из любезных моих товарищей дожидаться подобной радости на вечере жизни”» (А.Н. [Никитин А.Н.] Письмо к приятелю в деревню о праздновании пятидесятилетнего юбилея... С. 664).

¹³⁸ КВС. С. 277.

¹³⁹ Кеневич. С. 309.

¹⁴⁰ [Греч Н.И.] Почему Греч и Булгарин не были на празднестве И.А. Крылова. С. 202.

¹⁴¹ КВС. С. 225.

мог бы произнести благодарственную речь, адресованную к коллегам по цеху, как это делали на своих юбилеях врачи. Еще менее уместным было бы его обращение к министрам и членам Государственного совета, не говоря уже о нации в целом, хотя на обеде многие выступающие говорили о национальном значении юбилея баснописца. В такой ситуации Крылову оставалось только молчать.

В столь необычном поведении очевидным образом выразилось отчуждение юбиляра от праздника, формально устроенного в его честь. Сидя напротив своего мраморного бюста, словно напротив прижизненного памятника, «он перенесен «был» заживо в потомство и видел предназначенное ему место в веках»¹⁴². В сущности, живой Крылов на собственном юбилее играл роль не большую, чем этот бюст. Он и его творчество оказались лишь поводом для «великолепного патриотического обеда»¹⁴³, истинный смысл которого состоял в утверждении единства между властью и словесностью. Профессиональное «сословие» литераторов получило то, к чему стремилось, – официальное признание и своего существования, и государственной важности, полезности своей деятельности. «В лице Крылова государь наградил всю русскую литературу» – этот вывод, сделанный через несколько дней «Северной пчелой»¹⁴⁴, очевидно, и следует считать наилучшим резюме юбилея баснописца.

Воспоминания подавляющего большинства современников рисуют вполне благостную картину праздника в честь Крылова. Однако он завершился эксцессом, который весьма красноречиво свидетельствовал об огромном напряжении, создавшемся вокруг подготовки торжества, и о том, что основным источником этого напряжения был Уваров. По окончании обеда один из организаторов юбилея, Карлгоф, в присутствии нескольких человек оскорбил литератора Николая Полевого. Греч, осведомленный об этом, несомненно, со слов самого Полевого, в воспоминаниях так описал произошедшее: «Когда встали из-за стола, подвыпивший действительный статский советник Карлгоф подошел к сотруднику нашему, Полевому, и сказал ему: “Явился, подлец, когда приказали”. Полевой, бесчиновный литератор, проглотил обиду, не сказав ни слова»¹⁴⁵. Брат Полевого Ксенофонт, которому этот эпизод стал известен также со слов Николая, в своих воспоминаниях утверждал, что Карлгоф пытался даже броситься на Полевого, но был удержан другими участниками праздника¹⁴⁶.

Для Карлгофа это был особый день; заботливая жена записала, что тогда он впервые надел фрак, т. е. фактически начал статскую службу¹⁴⁷. Участие в организации юбилея Крылова и в самом празднике стало его дебютом в качестве чиновника по особым поручениям при министре народного просвещения. В организационном комитете он как лицо, приближенное к министру, играл роль едва ли не личного представителя Уварова и более детально, чем его сочлены, был осведомлен о перипетиях подковерной борьбы вокруг юбилея и, конечно же, о демарше Греча и Булгарина. Кроме того, поступление на службу заставило Карлгофа пересмотреть некоторые свои личные отношения. Еще недавно он дружески принимал Полевого, но теперь приязнь сменилась враждебностью – ведь именно так относился к журналисту Уваров, новый патрон Карлгофа. В его глазах Полевой, явившийся на юбилейный обед, представлял собой разом и неблагонадежного литератора, чья репутация не соответствовала высокому патриотическому настрою праздника, и представителя редакции «Сына Отечества», которую возглавляли «фронтеры» Греч и Булгарин.

¹⁴² Ф. Б. [Булгарин Ф.В.] Воспоминания об Иване Андреевиче Крылове. С. 35.

¹⁴³ Русский инвалид. 1838. 4 февраля. № 31. С. 122.

¹⁴⁴ Северная пчела. 1838. 8 февраля. № 32. С. 125.

¹⁴⁵ Греч Н.И. Юбилей Крылова // Греч Н.И. Записки о моей жизни. С. 627.

¹⁴⁶ Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого. СПб., 1888. С. 414.

¹⁴⁷ Драшусова-Карлгоф Е.А. > Жизнь прожить – не поле перейти. № 10. С. 728.

Юбилей Крылова получил невиданно широкое отражение в прессе. Отчеты о нем поместили все ведущие русские газеты, выходившие в столице: «Русский инвалид» (4 и 5 февраля, № 31 и 32) и «Литературные прибавления» к нему (5 февраля, № 6), «Санктпетербургские ведомости» (5 февраля, № 29), «Северная пчела» (8 февраля, № 32)¹⁴⁸. Крохотную заметку поместила «Художественная газета» Кукольника, посулив читателям в ближайшем будущем «особую статью об этом важном празднестве» с приложением гравюры с некоего нового портрета Крылова, нарисованного карандашом с натуры «одним из отличнейших наших художников» (№ 3 за 15 февраля, цензурное разрешение от 23 февраля – sic!). Спустя некоторое время к описанию юбилея Крылова присоединились журналы: «Сын Отечества и Северный архив» (1838, т. 2, № 3; цензурное разрешение от 15 марта), «Современник» (1838, т. 9, цензурное разрешение от 29 марта; статья П.А. Плетнева) и «Журнал Министерства народного просвещения» (1838, ч. 17, № 2; статья без подписи).

На освещение этого события было обращено особое внимание Уварова: все материалы цензуровались им лично¹⁴⁹. Заботясь о создании в прессе максимально благоприятной картины курируемого им юбилея, министр в то же время считал необходимым воспользоваться возможностями своего положения и свести счеты с Гречем.

Конфликт между журналистом и министром начался, напомним, с того, что Греч попытался организовать празднование юбилея Крылова в обход Уварова и тем спровоцировал обострение его отношений с Бенкендорфом. Исключив Греча из списка организаторов, Уваров, вероятно, рассчитывал, что тот смирится. Тем более неприятное впечатление на министра произвело поведение Греча в последние дни перед празднеством, когда ему наряду со Смирдиным было предложено взять на себя распространение билетов среди литераторов. Присланные Жуковским для этой цели тридцать билетов предназначались, очевидно, сотрудникам «Северной пчелы» и журнала «Сын Отечества и Северный архив» и должны были охватить примерно десятую часть от числа ожидаемых участников обеда. Однако в тот же день, 29 января, Греч возвратил все билеты Жуковскому при подчеркнуто вежливом, но явно недружелюбном письме. Оригинал этого письма члены комитета передали Уварову, на всякий случай оставив у себя копию¹⁵⁰. Отказ Греча сотрудничать с официальным организационным комитетом и то, что на его сторону встал Булгарин, в глазах Уварова превратило поступок лично оскорбленного журналиста в попытку противопоставить ведомую им группу всему остальному литературному сообществу.

Момент для этого был крайне неподходящим: на предстоящее торжество было обращено внимание самого государя, и министр рассчитывал в этот день эффектно продемонстрировать единство литературной корпорации. Угроза того, что намеченный сценарий «национального» торжества может быть искажен, заставила Уварова скрепя сердце обратиться к Бенкендорфу с просьбой найти управу на смутьянов. Сотрудники «Северной пчелы» и «Сына Отечества», по-видимому, получили приказание во что бы то ни стало добыть билеты и явиться на юби-

¹⁴⁸ Кроме того, отчет, представлявший собой перелицовку материала «Санктпетербургских ведомостей», напечатали «Московские ведомости», снабдив его заголовком «Праздник русской словесности» (1838. 12 февраля. № 13. С. 103–104).

¹⁴⁹ Факсимиле соответствующего предписания для цензоров от 3 февраля 1838 г. см.: Иван Андреевич Крылов в портретах, иллюстрациях, документах / Сост. А.М. Гордин. М.; Л., 1966. С. 146. Собственноручная правка министра и его помета «Печатать. Уваров» имеются на статье «Пятидесятилетний юбилей И.А. Крылова», перебеленной рукой Краевского (ОР РНБ. Ф. 391. № 904. Л. 1–2; об авторстве статьи см. ниже). Статья увидела свет в «Литературных прибавлениях...» (1838. 5 февраля. № 6. С. 118; без подписи).

¹⁵⁰ ОР РНБ. Ф. 539. № 1595 – заверенная Жуковским копия рукой Одоевского, с его пометой: «Подлинное отправлено к Сергею Семеновичу Уварову».

лей, однако применительно к самим Гречу и Булгарину даже категорическое требование шефа жандармов, переданное через Дубельта¹⁵¹, уже не могло ничего изменить: Смирдин полностью раздал свою часть билетов, а обращение непосредственно к организаторам Греч и Булгарин, очевидно, сочли слишком унижительным, да и попросту невозможным после письма к Жуковскому от 29 января. В результате два самых известных петербургских журналиста все-таки не присутствовали на празднике в честь Крылова, что не прошло незамеченным. Все это до такой степени обострило неприязнь Уварова к Гречу, что он и после праздника продолжил преследовать журналиста, на сей раз используя прессу.

Анализ публикаций, связанных с юбилеем, свидетельствует об исключительном положении, предоставленном газете Воейкова «Русский инвалид» и еженедельнику А.А. Краевского «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”». «Инвалид» первым, уже через день после торжества, поместил отчет о нем, напечатал в полном объеме все речи и стихотворения, прозвучавшие на празднике (воспроизведя таким образом все, что вошло в брошюру «Приветствия, говоренные...», вплоть до перечня музыкальных пьес), и еще несколько материалов, связанных с юбилеем: пространную «Запоздалую речь Русских Инвалидов И.А. Крылову», сочиненную И.Н. Скобелевым (под псевдонимом Русский Инвалид), поздравительные стихи Р.М. Зотова «Нашему поэту-ветерану Ивану Андреевичу Крылову. При праздновании 50-тилетия его славы» и библиографическую заметку сотрудника Публичной библиотеки И.П. Быстрова об истории басни «Волк на псарне»¹⁵². «Литературным прибавлениям», помимо перепечатки стихотворений Вяземского и Бенедиктова, досталось право опубликовать «Лавровый листок» Гребенки, однако тексты приветственных речей остались прерогативой «Русского инвалида». Попытка Краевского воспроизвести их в составе отчета для «Литературных прибавлений» натолкнулась на прямой запрет Уварова¹⁵³.

Между тем статья о юбилее, написанная Гречем со слов кого-то из присутствовавших, смогла увидеть свет в «Северной пчеле» только 8 февраля, на шестой день после праздника. К ней прилагались стихи Вяземского, но ни текстов речей, ни других стихотворных приветствий, ни иных дополнительных материалов, за исключением рескрипта Крылову, газета не поместила. Нехарактерные для «Пчелы...» медлительность и скудость в освещении важного события, по-видимому, объяснялись тем, что министр-цензор намеренно задерживал ее материалы.

Более того, одновременно Уваров через «Русский инвалид» инспирировал возникновение скандала, также направленного против Греча и Булгарина. В свой отчет о празднике Воейков вставил язвительную фразу: «Из известных писателей не участвовали в сем празднике

¹⁵¹ Встречающиеся в исследовательской литературе утверждения о том, что Николай I лично требовал присутствия всех литераторов на крыловском обеде, основываются на эмоциональной оправдательной записке Греча, в которой говорилось: «Накануне празднества Булгарин вызвал Греча из Михайловского театра и объявил ему о сообщении воли государевой [зачеркнуто: объявил ему, что генерал Дубельт приехал к нему и объявил волю государя], чтобы все литераторы участвовали в завтрашнем празднике» (*Греч Н.И.*) Почему Греч и Булгарин не были на празднестве И.А. Крылова. С. 202). С нашей точки зрения, Греч неточно передает суть дела. Куда более вероятно, что категорическое требование явиться на праздник исходило от Бенкендорфа, который пытался предотвратить назревающий скандал во избежание возможного гнева государя.

¹⁵² Русский инвалид. 1838. 5 февраля. № 32. С. 127–128. Стихи Зотова приводились в газете по отдельному изданию-листу, получившему цензурное разрешение в день праздника, 2 февраля, изящно напечатанному в типографии Смирдина и, по-видимому, раздававшемуся гостям на обеде (такой листок приплетен к брошюре «Приветствия, говоренные Ивану Андреевичу Крылову» из собрания РНБ).

¹⁵³ Беловая рукопись отчета заканчивается словами о приводимых ниже «речах и стихах, сочиненных для сего незабвенного праздника». Концовка была вычеркнута Уваровым (см.: ОР РНБ. Ф. 391. № 904. Л. 2). В ходе цензурирования этого материала у Жуковского по какой-то причине сложилось впечатление, что в его приветствии Крылову были внесены изменения, и он пришел в негодование. Одоевский «под диктовкой» поэта писал Краевскому: «Если есть <...> хоть малейшая перемена, то он требует, чтобы речь его отнюдь не была напечатана». Краевский отвечал: «Министр не позволил печатать ни одного приветствия. Я перепечатаваю только стихи, помещенные в нынешнем [от 4 февраля] номере “Инвалида”. <...> Это я узнал сейчас только от Никитенка, которому С.С. Уваров переслал нашу статью» (ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 2. № 641. Л. 40, 39 об.). Выражение «наша статья» позволяет предположить, что отчет для «Литературных прибавлений» был коллективным произведением.

Ф.В. Булгарин, Н.И. Греч и О.И. Сеньковский «sic!»). Учитывая официозный характер чествования Крылова, этот выпад прозвучал как прямое обвинение в попытке создания литературной фронды. Намеренно искаженную фамилию редактора «Библиотеки для чтения» Воейков добавил в список, очевидно, по собственной инициативе¹⁵⁴.

В освещении крыловского юбилея приняла участие и немецкоязычная «*St. Petersburgische Zeitung*». Хотя газета, в которой сотрудничали петербургские немцы-литераторы, несомненно имела возможность подготовить и поместить оригинальный материал об этом событии, она ограничилась практически дословным переводом отчета «Русского инвалида», включая выпад против троицы отсутствовавших¹⁵⁵. Учитывая, что «*St. Petersburgische Zeitung*» издавалась Академией наук, т. е. находилась непосредственно в ведении Уварова как ее президента, можно полагать, что распоряжение воспроизвести именно материал «Инвалида...» поступило прямо от него.

Издатели «Северной пчелы» смогли ответить на эти обвинения только 8 февраля: в том же номере, где была опубликована статья о юбилее, появилась и оправдательная заметка за подписью Греча:

В № 31-м «Русского инвалида», при описании торжества юбилея И.А. Крылова, имя товарища моего, Ф.В. Булгарина, и мое помещены в числе имен тех литераторов, которые не участвовали в торжестве. Это требует пояснения. Накануне торжества поручили мы А.Ф. Смирдину доставить нам билеты и отдали ему следующие за то деньги. На другой день г. Смирдин объявил нам, что все билеты уже розданы. Ф.В. Булгарин поехал к И.А. Крылову, чтоб объявить ему о том и поздравить его лично; я же, принужденный нездоровьем сидеть дома, исполнил этот приятный долг письменно. Мы участвовали в торжестве сердцем и душою¹⁵⁶.

Несмотря на примирительный тон «Северной пчелы», скандал разрастался. 12 февраля в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» было помещено следующее «Объяснение»:

Для устранения от себя нареkania в произвольной раздаче билетов на обед, данный 2 февраля в честь И.А. Крылова, или в умышленном исключении из этого празднества кого-либо из литераторов, желавших в нем участвовать, учредители его просили нас дать следующее пояснение на пояснение г. Греча, напечатанное в «Северной пчеле» (№ 32, 8 февраля):

За несколько дней до праздника и тотчас по составлении подписных листов для внесения имен желавших в нем участвовать, учредители сообщили при письме одного из них таковой лист г. Гречу с 30-ю билетами, предоставляя их в его распоряжение. Г. Греч возвратил немедленно список и 30 билетов при письме, в котором изъяснял, что, «не имея случая раздать билеты и находясь в невозможности участвовать в празднестве, он препроводил обратно и лист, и билеты». Письмо сие от 29 января, а обед был дан 2 февраля. В то же время разосланы были подписные листы ко всем литераторам, находящимся в Петербурге. – При сем учредители празднества, для исправления ошибки, вкравшейся в 31 № «Русского инвалида», вменяют себе в обязанность

¹⁵⁴ Красочный рассказ Панаева о том, как Воейков в наказание за свою «смелую выходку» был якобы на три дня помещен на гауптвахту (*Панаев И.И.* Литературные воспоминания. С. 114–115), не подтверждается другими источниками и, учитывая, что Воейков действовал с санкции Уварова, очевидно недостоверен.

¹⁵⁵ *St. Petersburgische Zeitung*. 1838. 5/17. Februar. № 29. S. 124 (с указанием на источник: «Р.И.»). В № 31 (8/20 февраля) был помещен перевод рескрипта Крылову (S. 133).

¹⁵⁶ *Греч Н.* «Без заглавия» // Северная пчела. 1838. 8 февраля. № 32. С. 127.

объявить, что если г. Сенковский и не был на помянутом обеде, то взял билет на оный¹⁵⁷ и, следовательно, именем своим в нем участвовал¹⁵⁸.

Автором текста этого коллективного заявления был Вяземский¹⁵⁹. Первоначальный вариант «Объяснения», сохранившийся среди бумаг Краевского, существенно отличается от печатного:

Учредители праздника в честь И.А. Крылова уведомили нас, что, прочитав известие, напечатанное в 32 № «Северной Пчелы» и 31 № «Русского Инвалида», они считают долгом пред публикою объявить, что подписные листы для внесения имен желавших участвовать в сем празднике, равно и билеты для входа в залу собрания были сообщены всем гг. литераторам, находящимся в Петербурге, а в том числе г. Гречу и г. Булгарину, за три дня до праздника. Г. Сенковский хотя и не был на сем обеде, но взял билет на оный и, следовательно, именем своим в нем участвовал¹⁶⁰.

Этот текст был передан Краевскому через Одоевского с просьбой «принять по сему благоприличные меры», т. е. представить его на рассмотрение министру¹⁶¹. По всей видимости, именно вследствие вмешательства Уварова упоминание о Булгарине исчезло, и «Объяснение» сосредоточилось на разоблачении лжи Греча при помощи цитаты из его письма Жуковскому от 29 января. Отметим, однако, что подобное использование частного письма могло бросить тень на репутацию поэта, и Уваров, вероятно, не без труда добился от него согласия. «Жуковский уже объяснился по этому [поводу] с министром, и препятствия не будет», – с облегчением сообщал Вяземский Одоевскому. Готовую же статью следовало незамедлительно представить министру на окончательное одобрение: «Так сказал Уваров Жуковскому»¹⁶².

Азартный Вяземский рассчитывал нанести по противнику чувствительный удар, напечатать «Объяснение» организаторов сразу и в «Русском инвалиде», и в «Литературных прибавлениях...»¹⁶³, однако в субботу 12 декабря публикация появилась только у Краевского. «Инвалид...» в этот день вообще не вышел, хотя Воейков редко пропускал субботы.

На этом печатное выяснение отношений резко оборвалось.

В своем конфликте с министром, по большей части невольном, Греч, а с ним и Булгарин, по-видимому, всерьез рассчитывали на поддержку Бенкендорфа, однако для III Отделения в тот момент куда важнее было замять скандал. В связи с этим Греча вызвали к Дубельту, и он был вынужден давать ему письменные объяснения. Одновременно, по соглашению Бенкендорфа с Уваровым¹⁶⁴, освещение крыловского юбилея в газетах полностью прекратилось. Вероятно, вследствие этого не были напечатаны две подробные статьи, анонсированные одна «Литературными прибавлениями к “Русскому инвалиду”»¹⁶⁵, вторая – «Художественной газе-

¹⁵⁷ В ситуации вокруг юбилея Сенковский занял особую позицию. Питая к Крылову неприязнь (об этом см.: *Лямина Е.Э., Савовер Н.В.* Беспечен как Лафонтен. С. 104), он не только не присутствовал на празднике, но и печатно проигнорировал это событие, ни строчкой не упомянув его в популярнейшем журнале «Библиотека для чтения», редактором которого он был. Это особенно заметно на фоне того, что в 1836 г. «Библиотека...» подробно описала юбилей доктора Загорского. Провокационную выходку Воейкова Сенковский также оставил без ответа; оправданием ему, как видим, послужила покупка билета, а последовавшее вскоре принудительное прекращение полемики позволило ему остаться в стороне от конфликта.

¹⁵⁸ Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1838. 12 февраля. № 7. С. 140.

¹⁵⁹ Написанный рукой Вяземского текст приложен к его письму Одоевскому (не позднее 11 февраля): ОР РНБ. Ф. 391. № 905. Л. 3.

¹⁶⁰ ОР РНБ. Ф. 391. № 906.

¹⁶¹ Записка Одоевского к Краевскому (без даты) – ОР РНБ. Ф. 391. № 907. Л. 1.

¹⁶² ОР РНБ. Ф. 391. № 905. Л. 1–2.

¹⁶³ Там же. Л. 1.

¹⁶⁴ В мемуарах Греч бегло упоминает о переписке, которая по этому поводу возникла между III Отделением и Уваровым (см.: *Греч Н.И.* Юбилей Крылова // *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. С. 628).

¹⁶⁵ Об этой статье, по-видимому, идет речь в письме Одоевского к Краевскому, написанном не позднее 10–11 февраля

той» Н.В. Кукольника. Острота ситуации вслед за тем стала сходиться на нет. Свидетельством этого стало появление в мартовском номере «Сына Отечества» хроникальной заметки о праздновании 2 февраля; Греч и Булгарин, ухитрившись не упомянуть ни одного из организаторов праздника, подобострастно привели в ней полный текст речи Уварова, в которой тот всячески подчеркивал собственную значимость, называя себя «орудием всемилостивейшего внимания государя императора к нашему незабвенному «sic!» Крылову» и «представителем его державного благоволения» к русской словесности¹⁶⁶.

Крыловский праздник как важное культурное событие освещался не только в русской, но и в немецкой прессе. Эти публикации еще не попадали в поле зрения биографов баснописца, хотя Греч упомянул о них в своих мемуарах, сетуя на «превратное <...> обидное и огорчительное» изложение «начала и обстоятельств» юбилея в аугсбургской «*Allgemeine Zeitung*»¹⁶⁷. В самом деле, 27 февраля 1838 г. газета поместила заметку своего постоянного петербургского корреспондента Леонгарда фон Будберга, датированную 14 февраля, в которой сообщалось о праздновании в один день 50-летия литературной деятельности и 70-летия со дня рождения «знаменитого нашего баснописца», причем журналист посчитал нужным уведомить читателей о том, что книгоиздатель Смирдин в свое время заплатил Крылову 40 тыс. руб. за право на издание его басен в течение десяти лет. Вслед за этим, 5 марта, был напечатан рескрипт Крылову в переводе на немецкий язык, а 6-го – еще одна заметка Будберга с пересказом речей Уварова и Жуковского и обширными цитатами из них¹⁶⁸.

Казалось бы, названными публикациями сюжет о юбилее русского баснописца был исчерпан. Однако через три месяца «*Allgemeine Zeitung*» неожиданно вернулась к этой теме во второй части статьи Генриха Кёнига «Литературные вести из России»¹⁶⁹. Кёниг получил известность в России после того, как осенью 1837 г. выпустил в Штутгарте книгу «*Literarische Bilder aus Russland*», где, опираясь на мнение своего негласного советника, русского литератора Н.А. Мельгунова, чрезвычайно резко отозвался о журналистской деятельности «триумвирата» – Греча, Булгарина и Сенковского. В рамках последовавшего за этим обмена полемиками выпадами¹⁷⁰ Кёниг счел нужным обратиться к юбилею Крылова и воскресить уже забытый, казалось бы, упрек не явившимся на торжество. Одобрительно, хотя и не вполне точно его описав, немецкий публицист далее замечает: «Среди живых букетов русской национальной литературы не виден был только знаменитый увядший трилистник: Греч, Булгарин и Сенковский. Сии господа – следуя, видимо, безошибочному инстинкту – исключили себя из общего праздника». От этого как бы вскользь брошенного замечания Кёниг переходит «к разговору о литературном кризисе, который, возможно, разразится уже в нынешнем году». Последовавший за этим виток полемики уже никак не был связан с крыловским юбилеем.

(ОР РНБ. Ф. 391. № 907. Л. 1). Ее автором он называет Вяземского, которому и просит сообщить, «в каком виде» статья будет получена от министра-цензора.

¹⁶⁶ Летопись событий за февраль 1838 года // *Сын Отечества* и Северный архив. 1838. Т. 2. № 3. С. 58 (5-й пагинации).

¹⁶⁷ Греч Н.И. Юбилей Крылова // Греч Н.И. Записки о моей жизни. С. 624.

¹⁶⁸ *Allgemeine Zeitung*. 1838. 27. Februar. № 58. S. 463–464; 5. März. № 64. S. 511; 6. März. № 65. S. 518–519. Статьи атрибутированы Л. фон Будбергу на основании данных архива газеты и ее издателя в Deutsches Literaturarchiv Marbach (за справку благодарим Биргит Сленска и Светлану Киршбаум). Подробно о Л. фон Будберге см.: Goedeke K. Grundriss zur Geschichte der deutschen Dichtung. Dresden, 1929. Bd. XV. S. 93–94; Gottzmann C., Hörner P. Lexikon der deutschsprachigen Literatur des Baltikums und St. Petersburgs. Berlin; New York, 2007. Bd. 1. S. 309–310.

¹⁶⁹ *Literarische Mitteilungen aus Russland*. II // *Allgemeine Zeitung*. Beilage. 1838. 4. Mai. № 236–237. S. 942–943. О сотрудничестве Кёнига и Мельгунова в рамках и этой статьи см. (помимо сведений из архива газеты): Ziegengeist G. Aus Heinrich Koenigs ungedruckter Korrespondenz mit Cotta und Brokhaus über die «*Literarischer Bilder aus Russland*» (1837–1839) // *Zeitschrift für Slawistik*. 1989. Bd. 34. № 1. S. 19–20, 28.

¹⁷⁰ Об этом см.: Harer K. Из литературно-политической полемики конца 1830-х годов: Неопубликованная статья С.П. Шевырева и Н.А. Мельгунова против «Северной пчелы» // *Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана*. М., 2010. С. 31–33; Евсеева М.К. Мельгунов Николай Александрович // *Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь*. Т. 3. М., 1994. С. 573, 576; Кузовкина Т. Феномен Булгарина: Проблема литературной тактики. Тарту, 2007. С. 99–110.

Между тем для Греча воспоминания обо всей этой истории многие годы оставались крайне болезненными. Обида, в особенности на Жуковского, допустившего использование частного письма в газетной расправе, не давала ему покоя многие годы. Только в 1843 г., за границей Греч наконец имел с поэтом какое-то объяснение «о деле юбилея»¹⁷¹.

10

Следствием праздника 2 февраля 1838 г. стал небывалый всплеск популярности Крылова. Первым отреагировало Санкт-Петербургское Дворянское собрание. Хотя баснописец не соответствовал установленному имущественному цензу, вскоре после праздника «директоры и постоянные члены» собрания известили его об избрании неперменным почетным членом, «в ознаменование <...> достопамятного в доме нашего собрания совершившегося события, желая сохранить отныне и навсегда присутствие среди нас почтенного литератора, которым Русские не престанут гордиться»¹⁷².

Очевидно, в те же дни 19-летняя великая княжна Мария Николаевна выразила желание получить живописное изображение кабинета баснописца (и, видимо, его самого за работой). Жуковский донес ее просьбу непосредственно до Крылова; одновременно Уваров дал соответствующее указание Оленину. По свидетельству В.Ф. Кеневича, «картина, представляющая кабинет Крылова» и написанная молодым художником и архитектором К.А. Ухтомским (вскоре он прославится «перспективными видами» залов Зимнего), тридцать лет спустя находилась в коллекции Мариинского дворца¹⁷³.

В таком контексте естественно выглядело желание организаторов юбилея запечатлеть триумф Крылова в нетленных материалах, отчеканив памятную медаль. Кроме того, это позволило бы, пусть с опозданием, реализовать программу чествования, аналогичную программе «докторских» юбилеев. Средств на изготовление медали, однако, не было, поэтому праздник завершился обращением Оленина к гостям «и всем, кто пожелает быть соучастником в том же преднамерении», делать пожертвования на медаль «с изображением с одной стороны профильного портрета И.А. Крылова, а с другой приличной к сему надписи»¹⁷⁴. Отметим, что к тому времени в русском медальерном искусстве изображений писателей еще не существовало.

Несколько дней спустя организаторы юбилея через Уварова обратились за высочайшим разрешением превратить сбор средств в открытую подписку, однако их намерение предупредил министр финансов Е.Ф. Канкрин, выступивший с инициативой изготовить медаль за счет казны. (Именно таким образом государство в 1836 г. отметило патриотические заслуги М.П. Бахтина и Н.Д. Черткова, сделавших очень крупные пожертвования на открытие кадетских корпусов в Орле и Воронеже соответственно.) Уже 5 февраля Николай изъявил на это согласие¹⁷⁵.

Специальное архивное дело сохранило переписку февраля 1838 г., относящуюся к разработке проекта медали¹⁷⁶. В этот процесс были вовлечены Оленин, Уваров, Жуковский, Бенкендорф и Канкрин, в ведении которого находился Монетный двор. В течение примерно двадцати

¹⁷¹ Греч Н.И. Юбилей Крылова // Греч Н.И. Записки о моей жизни. С. 629.

¹⁷² Кеневич. С. 313–314. Аналогичным образом в 1806 г. П.И. Багратион «единогласно и без баллотировки» был избран в члены Московского Английского клуба, «в воспоминание того дня, в который он осчастливил клуб своим посещением» (см.: Жихарев С.П. Записки современника. С. 197–198).

¹⁷³ Кеневич. С. 311. Следы этой акварели теряются после смерти Марии Николаевны в 1876 г. и распродажи принадлежавшего ей имущества.

¹⁷⁴ Это печатное обращение прилито к экземпляру юбилейной брошюры «Приветствия, говоренные Ивану Андреевичу Крылову», хранящейся в РГБ.

¹⁷⁵ ОР РНБ. Ф. 542. № 508. Л. 1 (записка Е.Ф. Канкрин на имя Николая I от 11 февраля 1939 г.).

¹⁷⁶ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1838 г. № 22.

дней они несколько раз апеллировали лично к Николаю I и привлекли в качестве посредника великого князя Александра Николаевича.

Как следует из письма Оленина Уварову, увеличенная восковая модель аверса медали с профилем Крылова (пока еще без надписи) была готова уже 5 февраля. Ее исполнил молодой медальер, пенсионер Академии художеств А.И. Лютин. Однако к концу февраля заказ перешел к его старшему коллеге, опытному медальеру Монетного двора П.П. Уткину, который заново изготовил восковое профильное изображение баснописца¹⁷⁷.

Перед глазами у Уткина, несомненно, находились юбилейные медали в честь заслуженных медиков. Напомним, что до крыловского юбилея были отчеканены медали в честь П.А. Загорского и И.Ф. Рюля; в том же 1838 г. эта линия будет продолжена медалью в честь 50-летнего юбилея врачебной деятельности лейб-медика И.Ф. Буша. Все они были выполнены одним автором – академиком Академии художеств А.П. Лялиным. На их реверсе по сложившейся традиции располагалась весьма пространный латинская надпись с обилием сокращений – приветствие юбиляру от имени его друзей, учеников, почитателей и благодарных пациентов; мелкие буквы делали ее трудночитаемой. Аверс, начиная с медали в честь Рюля, отводился под профильное изображение юбиляра в мундире с орденами и лентами, также обрамленное надписью.

Медаль, созданная в кругу Оленина¹⁷⁸, отличается от этого прототипа прежде всего полным отсутствием «приземляющих» деталей, будь то реалистичная передача одежды и орденов или перечисление регалий вокруг изображения на аверсе. За счет отказа от реестра чинов и наград удалось избавиться от перегруженности текстом и добиться простоты и ясности композиции. Особенно удался аверс: над профилем баснописца располагается крупная надпись «Иван Андреевич Крылов», а под ним – «Родился 2 февраля 1768 года». В отличие от «медицинских» медалей, где присутствует только дата празднования юбилея, здесь на видное место вынесена дата рождения, что в сочетании с антикизацией портрета акцентирует мотив жизни, открытой к вечности, где единственной регалией «знаменитого баснописца» останется его бессмертное имя. Любопытно, что в медали использованы те же атрибуты образа живого классика, что и на празднике: лавровый венок и бюст работы С.И. Гальберга, с которого был вылеплен профиль Крылова¹⁷⁹.

В письме к Канкрину от 25 февраля Оленин просит министра поторопить Уткина с началом работы над штемпелем аверса; создание реверса тормозилось тем, что надпись для него еще не была утверждена.

¹⁷⁷ Эта модель в настоящее время хранится в фондах сектора нумизматики Государственного Русского музея (Мед. А–3337). Благодарим заведующего сектором А.В. Полищука за предоставленные сведения и ценные консультации.

¹⁷⁸ См.: Дьяков М.Е. Медали Российской Империи. Ч. 4. 1825–1855. М., 2006. С. 95 (№ 539).

¹⁷⁹ О том, что медальер использовал именно гальберговский бюст, говорит повторение характерного локона, падающего на лоб.

А.П. Лялин. Медаль в честь 50-летия врачебной деятельности И.Ф. Рюля (аверс и реверс). © Русский музей, Санкт-Петербург

А.П. Лялин. Медаль в честь 50-летия врачебной деятельности П.А. Загорского (аверс и реверс). © Русский музей, Санкт-Петербург

Показательно, как эволюционировал текст этой надписи. Из двух вариантов, первоначально представленных Жуковским, при посредстве наследника, на утверждение императору, Николай не позднее 9 февраля одобрил более длинный (239 знаков)¹⁸⁰

¹⁸⁰ Здесь и далее количество знаков подсчитано с учетом «ъ» и пробелов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.